

Приложение. Поэтические материалы конкурса чтецов по произведениям периода Великой Отечественной войны: «Они не знали Дня Победы, Но знали, что она — придёт!»

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК.....	5
В ПОХОД!.....	5
ЧЕТВЁРКА ДРУЖНАЯ РЕБЯТ.....	5
ДЕТСКИЙ ДОМ В ЕЛЬНЕ.....	6
БОЕВОЕ ПРОЩАНИЕ.....	7
МАТЬ.....	7
БАЛЛАДА О ПЯТНАДЦАТИ.....	8
МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА ПОПОВКИ.....	9
ПУТЬ СЛАВЫ.....	10
ЧАСЫ НА БАШНЕ.....	11
ОГНИ НАД МОСКВОЙ.....	12
СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ.....	13
МАТЬ.....	13
КАРТА.....	20
ДЕТСКИЙ БОТИНОК.....	22
ПИСЬМО ДОМОЙ.....	23
ОТКУДА ТЫ?.....	24
ТЫ ПОБЕДИШЬ!.....	25
СОЛДАТ.....	27
МОЙ БОЕЦ.....	29
ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК.....	30
КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ.....	32
ТЫ ПОМНИШЬ, АЛЕША, ДОРОГИ СМОЛЕНЩИНЫ.....	32
РОДИНА.....	33
АТАКА.....	34
ПЕХОТИНЕЦ.....	35
УБЕЙ ЕГО!.....	35
СМЕРТЬ ДРУГА.....	38
ФЛЯГА.....	39
ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ.....	39
МАЙОР ПРИВЕЗ МАЛЬЧИШКУ НА ЛАФЕТЕ.....	40
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУРКОВ.....	42
ЗЕМЛЯНКА.....	42
ВОТ БОМБАМИ РАЗМЕТАННАЯ ГАТЬ.....	42
ВИДНО, ВЫПИСАЛ ПИСАРЬ МНЕ ДАЛЬНИЙ БИЛЕТ.....	43
ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ.....	43

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ.....	44
ТРУПЫ В ЧЕРНЫХ КАНАВАХ. РАЗБИТАЯ ГАТЬ.....	45
МОСТ. ПОДЪЕМ. И С КРУТОГО ВЗГОРЬЯ.....	45
ВОЙНЫ ИМЕЮТ КОНЦЫ И НАЧАЛА.....	46
УТРО В ОКОПЕ.....	46
ЧАСТОКОЛЫ, КОЛЮЧКА, ТРАНШЕИ, РВЫ.....	47
УТРО ПОБЕДЫ.....	48
МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ СВЕТЛОВ.....	49
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ (ПОЭМА).....	49
ВСТУПЛЕНИЕ.....	49
КОМСОМОЛ.....	50
КОГДА УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ.....	51
ЗАВЕЩАНИЕ.....	52
ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ.....	53
ПИСЬМО.....	54
САЛЮТ.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	56
ИТАЛЬЯНЕЦ.....	57
МАРГАРИТА АЛИГЕР.....	59
БРАТСКИЕ МОГИЛЫ.....	59
ЗОЯ (ПОЭМА).....	60
ВСТУПЛЕНИЕ.....	60
ПЕРВАЯ ГЛАВА.....	61
ВТОРАЯ ГЛАВА.....	71
ТРЕТЬЯ ГЛАВА.....	84
ЭПИЛОГ.....	99
БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ КОСТРОВ.....	102
ПУСТЬ ВРАГ КОВАРЕН — ЭТО НЕ БЕДА.....	102
У МОГИЛЫ БОЙЦОВ.....	102
В РАЗВЕДКЕ.....	102
СОЛДАТСКОЕ СОЛНЫШКО — МЕСЯЦ.....	103
ЕЛЕНА ШИРМАН.....	104
ПИСЬМО ДЕВУШКИ-ДОНОРА.....	104
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАЙОРОВ.....	105
КОГДА К НОГАМ ПОДХОДИТ СТУЖА ПЫТКОЙ.....	105
НАМ НЕ ДАНО СПОКОЙНО СГНИТЬ В МОГИЛЕ —.....	105
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ.....	106
В ГОСПИТАЛЕ.....	106
СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ.....	106
ПЕСНЯ О ЛЕНИНГРАДСКОЙ МАТЕРИ.....	107
СЕСТРЕ.....	108
РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ.....	109

ВТОРОЙ РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ.....	111
БАЛЛАДА О МЛАДШЕМ БРАТЕ.....	113
АРМИЯ.....	114
СТАЛИНГРАДУ.....	115
ЗНАМЯ.....	116
ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН.....	119
Если будешь ранен, милый, на войне,.....	119
ПЕТЛИЦЫ.....	119
Я ВИДЕЛ ДЕВОЧКУ УБИТУЮ.....	120
В САНБАТЕ.....	120
Если я не вернусь, дорогая.....	121
ИЗ ПИСЬМА.....	122
ЗАТИШЬЕ.....	122
СЕСТРА.....	123
ПЕЙЗАЖ.....	123
ТОПОЛЯ КИЕВА.....	124
ПОСЛУШАЙ МЕНЯ.....	124
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.....	126
Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД.....	126
ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ ДОЛМАТОВСКИЙ.....	127
ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ.....	127
УКРАИНЕ МОЕЙ.....	127
ОЛЕНЬ.....	128
МОГИЛА ГЁТЕ.....	129
ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ СЕЛЬВИНСКИЙ.....	130
ПОЭЗИЯ.....	130
Я ЭТО ВИДЕЛ!.....	131
РОССИИ.....	134
СЕМЁН ПЕТРОВИЧ ГУДЗЕНКО.....	137
ТОВАРИЩИ.....	137
ПЕРЕД АТАКОЙ.....	138
ПОДРЫВНИК.....	138
САПЁР.....	139
НАДПИСЬ НА КАМНЕ.....	139
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ.....	141
Мы шли молчаливой толпой, —.....	141
ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ.....	142
ПАРТИЗАНКА.....	144
УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА!.....	148

— СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ!.....	149
СЛОВО О РОССИИ.....	150
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ.....	152
ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КЕДРИН.....	155
1941.....	155
НЕТ!.....	156
В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ.....	157
НАЧИНАЕТСЯ РОСТЕПЕЛЬ МАРТА,.....	158
ПОЛЯНКА ЗИМНЯЯ БЕЛА,.....	159
АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ.....	161
ВАСИЛИЙ ТЁРКИН (ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ).....	161
ТЕРКИН — КТО ЖЕ ОН ТАКОЙ?.....	161
ПЕРЕПРАВА.....	162
ГАРМОНЬ.....	171
БОЛЬШОЕ ЛЕТО.....	177
РАССКАЗ ТАНКИСТА.....	179
ЗЕМЛЯКУ.....	181
ДОМ БОЙЦА.....	182
ОГОНЬ.....	184
ПОЗАРАСТАЛИ СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ,.....	186
НЕМЬЕ.....	187
В ПИЛОТКЕ МАЛЬЧИК БОСОНОГИЙ.....	188
ЗАЧЕМ РАССКАЗЫВАТЬ О ТОМ.....	189
В ПОЛЕ, РУЧЬЯМИ ИЗРЫТОМ,.....	190

Самуил Яковлевич Маршак

В ПОХОД!

Вместе весна и лето
Нынче гостят в Москве.
Сколько рассеяно света
В тучах и в синеве.

Мирно Москва проснулась
В этот июньский день.
Только что развернулась
В скверах ее сирень...

Разом, в одно мгновенье,
Все изменилось кругом.
Юноша в майке весенней
Смотрит суровым бойцом.

Девушка стала сестрою,
Крест — на ее рукаве.
Сколько безвестных героев
Ходит сейчас по Москве...

Все на борьбу с врагами,
В грозный и дальний поход!
По небу ходит кругами
Сторож страны — самолет.

ЧЕТВЁРКА ДРУЖНАЯ РЕБЯТ

Четвёрка дружная ребят
Идёт по мостовой.
О чём-то громко говорят
Они между собой.

— Мне шесть, седьмой!
— Мне семь, восьмой!
— Мне скоро будет пять.
— Пойдет девятый мне зимой,
Мне в школу поступать.

— Ушёл сегодня мой отец.
— А мой ушёл вчера.
— Мой брат и прежде был боец.
— Моя сестра — сестра!

— Сегодня дома из мужчин
Остался я один.
Работы столько у меня,
Что не хватает дня.

Я гвоздь прибил.
Песок носил.
Насыпал два мешка.
Расчистил двор
И всякий сор
Убрал я с чердака.

— На фабрику уходит мать,
А детям нужен глаз.
Я их учу маршировать,
Носить противогаз!

— Нельзя ребятам на войну,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеем мы и тут!

Четвёрка дружная ребят
Идет по мостовой.
И слышу: громко говорят
Они между собой.

ДЕТСКИЙ ДОМ В ЕЛЬНЕ

На площади опустошенной
Разрушен вражеским огнем
Приветливый, многооконный,
С цветами в окнах детский дом.

Что в мире может быть печальней
Полуразрушенных печей
На месте прежней детской спальни,
Среди обломков кирпичей.

В золе я видел мячик детский,
А рядом школьную тетрадь.
Ее примял сапог немецкий,
Оставив грязную печать.

Нет преступления бесцельней,
Бессмысленней злодейства нет.
За детский дом, сожженный в Ельне, —
В Берлине, Мюнхене и Кельне
Дадут преступники ответ.

БОЕВОЕ ПРОЩАНИЕ

Свежий холмик перед низким домом.
Ветви на могиле.
Командира вместе с военкомом
Утром хоронили.

Хоронили их не на кладбище, —
Перед школой деревенской,
На краю деревни Озерище,
В стороне Смоленской.

Самолет, над ними рея,
Замер на минуту.
И вступила в дело батарея
Залпами салюта.

Свет блеснул в холодной мгле осенней,
Призывая к бою.
Двое павших повели в сраженье
Цепи за собою.

И гремели залпы, как раскаты
Яростного грома:
— Вот расплата с вами за комбата!
— Вот за военкома!

МАТЬ

В такой обыкновенный день —
Июньский, голубой —
Босых людей из деревень
По тракту вел конвой.

Безмолвен был последний путь.
Но вот в одном ряду
Отстала женщина — и грудь
Достала на ходу.

Кормила мать в последний раз
Ребенка своего,
Не отрывая хмурых глаз
От личика его.

В толпе, — как ветер прошуршал, —
Пронесся тихий плач,
И что-то хрипло прокричал
По-своему палач.

И зашагал быстрее народ
По смертному пути.
Синел июньский небосвод,
Лен начинал цвести...

БАЛЛАДА О ПЯТНАДЦАТИ

Конечно,
Пятнадцать —
Число небольшое,
Но если пятнадцать ребят
Умеют сражаться,
Как эти герои,
Врагу они путь преградят.

Немецкие танки
Несли к Пятигорску,
Был выброшен
Вражий десант,
Когда комсомольцев
Отважную горстку
Собрал
Молодой лейтенант.

Разбойники в касках
Взбирались на скаты,
На славную гору Машук.
Одна за другой
В них летели гранаты
Из детских уверенных рук.

Навстречу машинам
Со знаком паучьим
Часа полтора напролет
С вершины
Летели бутылки с горючим
И сыпал свинцом
Пулемет.

Четырнадцать парней
Сражались с десантом
Винтовкой, гранатой, штыком.
Пятнадцать их было,
С лихим лейтенантом,
Шестнадцать —
С горой Машуком.

Немецкие каски
Усеяли склоны,
Дорогу
У ног Машука,
Пока занимали
Рубеж обороны
Кавказские наши войска.

Теперь на врага
Мы обрушились лавой,
Страны выполняя приказ.
Пред нами опять —
Пятигорск пятиглавый
И склоны и балки,
Где с честью и славой
Бойцы защищали Кавказ.

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА ПОПОВКИ

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребенок —
Последний гражданин села.

Испуганный котенок белый,
Обломки печки и трубы —
И это все, что уцелело
От прежней жизни и избы.

Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик, без слез,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенес!

При нем избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспех вырытой могиле
Лежит убитая сестра.

Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребенка на снегу.

ПУТЬ СЛАВЫ

По большим путям Истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгорья
Далеко озарены.

Блещет Дон военной славою,
Как в былые времена.
Снова — битва под Полтавою,
Бранный гул Бородина.

От побоища Мамаева
До сражений за Донбасс,
От Олега до Чапаева
Славный тянется рассказ.

Городов названья древние
Мы в приказах узнаем,
И деревня за деревнею
В сердце входит с каждым днем.

Здравствуй, Славгород, Ивановка,
Луги, Никонцы, Басань,
Остролучье, Первозвановка,
Переяслав, Березань!

Как дитя, в трудах рожденное, —
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемет.
Но ползут по кругу стрелки, —
Время движется вперед!

Под землей лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вдавленное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надежен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на Запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

ОГНИ НАД МОСКВОЙ

Ракеты летят, как цветные мячи,
Взметенные смелым ударом,
И вновь исчезают в московской ночи
Уже догоревшим пожаром...

На миг уступает недавняя тьма
Победно летящей ракете.
Выходят деревья, столбы и дома,
От света проснувшись, как дети.

Навеки запомнится ночь торжества,
Когда, возвещая победу,
Огнями и залпами фронт и Москва
Вели меж собою беседу.

Сергей Владимирович Михалков

МАТЬ

По большаку, правее полустанка,
Идти пять верст — деревня Хуторянка.
Спервоначалу были хутора,
Да разрослись. И стали год за годом
Дружнее жить, богаче быть народом —
Деревней стали. Сорок два двора.

Вокруг луга — есть чем кормить скотину.
Густы леса — орешник да малина.
Всего хватает: и грибов и дров.
Сойдешь под горку, тут тебе речушка,
А там, глядишь, другая деревушка,
Но в той уже поменее дворов...

Живет народ, других не обижая,
От урожая и до урожая,
От снега до засушливой поры.
И у соседей хлебушка не просит.
И в пору сеет. В пору сено косит.
И в пору чинит старые дворы.

И землю под озимые боронит,
Гуляет свадьбы, стариков хоронит,
И песни молодежные поет,
Читает вслух газетные страницы...
За тридевять земель Москва-столица,
И дальний поезд до нее везет...

В родной деревне, третья хата с краю,
Другой судьбы себе не выбирая,
Полвека честной жизни прожила
Хохлова Груша. В тихой Хуторянке
Прошла в труде крестьянском жизнь крестьянки,
И не заметишь, как она прошла.

Здесь в девках бегала, здесь в хороводах пела,
Здесь на гулянках парня присмотрела,
Вошла к нему хозяйкой в бедный дом.
Здесь называлась Грушею-солдаткой,
Здесь тосковала, плакала украдкой,
Здесь вынянчила четверых с трудом.

Она порой сама недоедала,
Чтоб только детям досыта хватало,
Чтоб сытыми вставали от стола.
Она с утра к соседям уходила,
Белье стирала и полы скоблила —
В чужих домах поденщину брала.

Она порой сама недосыпала,
Ложилась поздно и чуть свет вставала,
Чтоб только четверым хватало сна.
И выросли хорошие ребята,
И стала им тесна родная хата,
И узок двор, и улица тесна.

Последнего она благословила,
Домой пришла, на скобку дверь закрыла,
Не раздеваясь села в уголок.
Стучали к ней — она не открывала,
До поздней ночи молча горевала —
Все плакала, прижав к лицу платок.

Она с людьми тоской не поделилась.
Никто не видел, как она молилась
За четверых крестьянских сыновей,
Которых не вернуть теперь до дому,
Которым жить на свете по-иному —
Не в Хуторянке, а в России всей...

...Она хранила у себя в комод
Из Ленинграда письма от Володи,
Из Сталинграда письма от Ильи,
Одесские открытки от Андрея
И весточки от Гриши с батареи
Из Севастополя. От всей семьи.

В июньский полдень в тесном сельсовете
По радио — еще не по газете, —
Когда она услышала: «Война!» —
Как будто бы по сердцу полоснули,
Как села, так и замерла на стуле, —
О сыновьях подумала она.

Пришла домой. Тиха пустая хата.
Наседка квохчет, просят есть цыплята,
Стучит в стекло — не вырвется — пчела.
Четыре мальчика! Четыре сына!
И в этот день еще одна морщина
У добрых материнских глаз легла.

...Косили хлеб. Она снопы вязала
Без устали. Ей все казалось мало!
Быстрее надо! Жаль, не те года!
И солнце жгло, и спину ей ломило,
И мать-крестьянка людям говорила:
«Там — сыновья. И хлеб идет туда».

А сыновья писали реже, реже,
Но штемпеля на письмах были те же:
Одесса, Севастополь, Сталинград
И Ленинград, где старший сын Володя,
Работая на Кировском заводе,
Варил ежи для нарвских баррикад.

Когда подолгу почты не бывало,
Мать старые конверты доставала,
Читала письма, и мечталось ей:
Нет на земле честнее и храбрее,
Нет на земле сильнее и добрее
Взращенных ею молодых парней.

Тревожные в газетах сводки были,
И люди об Одессе говорили,
Как говорят о самом дорогом.
Старушка мать — она за всем следила —
Шептала ночью: «Где же наша сила,
Чтоб мы могли расправиться с врагом?»

О, как она бессонными ночами
Хотела повидаться с сыновьями,
Пусть хоть разок, пусть, провожая в бой,
Сказать бойцу напутственное слово.
Она ведь ко всему теперь готова —
К любой беде и горести любой.

Но не могло ее воображенье
Представить город в грозном окруженье,
Фашистских танков черные ряды,
К чужой броне в крови прилипший колос.
Не слышала она Андрея голос:
«Я ранен... мама... пить... воды... воды».

Пришел конверт. Еще не открывала,
А сердце матери уже как будто знало...
В углу листка — армейская печать...
Настанет день, Одесса будет наша,
Но прежних строчек: «Добрый день, мамаша!» —
Ей никогда уже не получать...

...Глаза устали плакать — стали суше,
Со временем тоска и горе глуше.
Дров запасла — настали холода.
Шаль распустила — варежки связала,
Потом вторые, третьи... Мало, мало!
Побольше бы! Они нужны туда!

Все не было письма из Ленинграда.
И вдруг она услышала: «Блокада».
Тревожно побежала в сельсовет,
Секретаря знакомого спросила.
Тот пояснил... Опять душа заныла,
Что от Володи писем нет и нет.

Пекла ли хлеб, варила ли картошку,
Все думала: «Послать бы хоть немножко.
За тыщу верст сама бы понесла!»
И стыли щи, не тронутые за день:
Вся в думах о голодном Ленинграде,
Старуха мать обедать не могла.

Она была и днем и ночью с теми,
Кто день и ночь, всегда, в любое время,
Работал, защищая Ленинград,
И выполнял военные задания
Ценой бессонницы, недоедания —
Любой ценой, как люди говорят...

...Опять скворцы в скворечни прилетели,
И ожил лес под солнышком апреля,
И зашумели вербы у реки...
Из Севастополя прислал письмо Григорий:
«Воюем, мать, на суше — не на море.
Вот как у нас дерутся моряки!»

Она письмо от строчки и до строчки
Пять раз прочла, потом к соседской дочке
Зашла и попросила почитать.
Хоть сотню раз могла она прослушать,
Что пишет сын про море и про сушу
И про свое уменье воевать.

И вдруг за ней пришли из сельсовета.
В руках у председателя газета:
— Смотри-ка, мать, на снимок. Узнаешь? —
Взглянула только: «Сердце, бейся тише!
Он! Родненький! Недаром снился! Гриша!
Ну до чего стал на отца похож!»

Собрали митинг. Вызвали на сцену
Героя мать — Хохлову Аграфену.
Она к столу сторонкой подошла
И поклонилась. А когда сказали,
Что Гришеньке Звезду Героя дали, —
Заплакала. Что мать сказать могла?..

...Шла с ведрами однажды от колодца,
Подходит к дому — видит краснофлотца.
Дух захватило: Гриша у крыльца!
Подходит ближе, видит: нет, не Гриша —
В плечах поуже, ростом чуть повыше
И рыженький, веснушчатый с лица.

— Вы будете Хохлова Аграфена? —
И трубочку похлопал о колено.
— Я самая! Входи, сынок, сюда! —
Помог в сенях поднять на лавку ведра,
Сам смотрит так улыбочиво и бодро —
Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,
Самой спросить — язык не повернется,
Зачем и с чем заехал к ней моряк.
Сел краснофлотец: — Стало быть, мамаша,
Здесь ваша жизнь и все хозяйство ваше!
Как управляетесь одна? Живете как?

Мне командир такое дал задание:
Заехать к вам и оказать вниманье,
А если что — помочь без лишних слов.
— Ты не томи, сынок! Откуда, милый?
И кто послал-то, господи помилуй?
— Герой Союза старшина Хохлов!

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась,
Поправила платок, засуетилась:
— Такой-то гость! Да что же я сижусь?
Вот горе-то! Живем не так богато —
В деревне нынче с водкой плоховато,
Чем угостить, ума не приложу!

Пьет краснофлотец чай за чашкой чашку;
Распарился, хоть впору снять тельняшку,
И, вспоминая жаркие деньки,
Рассказывает складно и толково.
И мать в рассказ свое вставляет слово:
— Вот как у нас дерутся моряки!

— Нас никакая сила не сломила.
Не описать, как людям трудно было,
А все дрались — посмотрим, кто кого!
К самим себе не знали мы пощады,
И Севастополь был таким, как надо.
Пришел приказ — оставили его...

— А Гриша где? — Теперь под Сталинградом,
В морской пехоте. — Значит, с братом рядом?
Там у меня еще сынок, Илья.
Тот в летчиках, он у меня крылатый.
Один — рабочий, три ушли в солдаты. —
Моряк в ответ: — Нормальная семья!

Она его накрыла одеялом,
Она ему тельняшку постирала,
Она ему лепешек напекла,
Крючок ослабший намертво пришила,
И за ворота утром проводила,
И у ворот, как сына, обняла...

...В правлении колхоза на рассвете
Толпились люди. Маленькие дети
У матерей кричали на руках.
Ребята, что постарше, не шумели,
Держась поближе к матерям, сидели
На сундучках, узлах и узелках...

Они доехали. А многие убиты —
По беженцам стреляли «мессершмитты»,
И «юнкерсы» бомбили поезда.
Они в пути тяжелом были долго,
За их спиной еще горела Волга,
Не зная такого никогда.

Теперь они в чужом селе, без крова.
Им нужен кров и ласковое слово.
И мать солдатская решила: «Я — одна...
Есть у меня картошка, есть и хата,
Возьму семью, где малые ребята,
У нас у всех одна беда — война».

Тут поднялась одна из многих женщин
С тремя детьми, один другого меньше,
Три мальчика. Один еще грудной.
— Как звать сынка-то? — Как отца, — Анисим.
Сам на войне, да нет полгода писем...
— Ну, забирай узлы, пойдём со мной!

И стали жить. И снова, как бывало,
Она пеленки детские стирала,
Опять повисла люлька на крюке...
Все это прожито, все в этой хате было,
Вот так она ребят своих растила,
Тоскуя о солдате-мужике.

* * *

В большой России, в маленьком селенье,
За сотни верст от фронта, в отдаленье,
Но ближе многих, может быть, к войне,
Седая мать по-своему воюет,
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится за них наедине.

Когда Москва вещает нам: «Вниманье!
В последний час...» — и затаив дыханье
Мы слушаем про славные бои
И про героев грозного сраженья, —
Тебя мы вспоминаем с уваженьем,
Седая мать. То — сыновья твои!

Они идут дорогой наступленья
В измученные немцами селенья,
Они освобождают города
И на руки детишек поднимают;
Как сыновей, их бабы обнимают.
Ты можешь, мать, сынами быть горда!

И если иногда ты заскучаешь,
Что писем вот опять не получаешь,
И загрустишь, и дни начнешь считать,
Душой болеть — опять Илья не пишет,
Молчит Володя, нет вестей от Гриши,
Ты не грусти. Они напишут, мать!

КАРТА

Вторые сутки город был в огне,
Нещадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене —
Ушли ребята, снять ее забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,
Вошел боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспаленных глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

Но вдруг, решив, он снял ее с гвоздей
И, вчетверо сложив, унес куда-то, —
Изображенье Родины своей
Спасая от захватчика-солдата.

Случилось это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
Когда бойцы под самую Москвой
В незыблемой стояли обороне.

Шел день за днем, как шел за боем бой,
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с ее судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

Когда же становились на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на нее бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной,
Искал свой дом: Казань, Рязань, Калугу,
Один — Баку, Алма-Ату — другой.
И так, склонившись над своей страной,
Хранить ее клялись они друг другу.

Родные очищая города,
Освобождая из-под ига села,
Солдат с боями вновь пришел туда,
Где карту он когда-то взял из школы.

И, на урок явившись как-то раз,
Один парнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была
От города Орла до Приднепровья,
И пятнышко темнело у Орла.
Да! Было то красноармейской кровью.

И место ей нашли ученики,
Чтоб, каждый день с понятным нетерпением
Переставляя красные флажки,
Идти вперед на запад, в наступленье.

ДЕТСКИЙ БОТИНОК

Занесенный в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.

Его номер по книге:
«Три тысячи двести девятый».
«Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой...»

Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове? В Вене?
Кто носил его? Владек?
Или русская девочка Женя?..

Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
«Три тысячи двести девятый»?

Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги

В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежду убитых считали?

Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.

Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...

Час расплаты пришел!
Палачей и убийц — на колени!
Суд народов идет
По кровавым следам преступлений.

Среди сотен улик —
Этот детский ботинок с заплатой.
Снятый Гитлером с жертвы
Три тысячи двести девятой.

ПИСЬМО ДОМОЙ

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев.
Дошедших писем мятые листочки
Нам дороги особо в дни боёв.

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуя бойцу в его судьбе.
О, чувство зависти! Как нам оно знакомо,
Когда письмо приходит не тебе.

О, письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою:
Будь беспощаднее с врагом на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!

Мы были в городе развалин и воронок
Разграбленного немцами жилья.
Я видел мальчика. Лет четырех ребенок.
Он был убит. И сына вспомнил я.

Мы были в городе. Как грозный знак проклятья,
Труп женщины лежал на мостовой.
Растерзанное ситцевое платье,
Застывшая рука над головой.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждет от жены письма, письма из дому
От этой женщины. А писем нет и нет...

Мой верный друг, товарищ мой надежный!
Мы на войне. Идет жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

ОТКУДА ТЫ?

— Вторую зиму мы воюем вместе.
Твои дела почетны и просты.
И меткий глаз твой всей стране известен.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Отец и дед охотниками были,
Вот почему и меткость есть в глазах.
Отец и дед пушного зверя били,
Я бью врага. Я снайпер. Я казах.

— Тебя я знаю по ночному бою,
И мне твои запомнились черты.
В атаке ты не дорожил собою.
Скажи, боец, откуда родом ты?

— Я в том бою оружием и честью
Лишь дорожил, как вольный человек.
Я сын садов ташкентского предместья.
Я хлопкороб. Я воин. Я узбек.

— А ты, орел, я знаю, что немало
Обрушил ты на немцев с высоты
Горячего разящего металла.
Скажи, герой, откуда родом ты?

— Таких, как я, в полку героев много,
И награжден страной не я один.
Военная Грузинская дорога
Ведет в мой дом, в Тбилиси. Я грузин.

— От верных залпов твоего расчета
Враги под землю лезли, как кроты.
Но не спасали их накаты дзотов.
Скажи, сержант, откуда родом ты?

— Я мщу врагам за дочку и за сына,
Расстрелянных у мирного плетня.
Я украинец. Ридна батькивщина
К орудию поставила меня.

— Ты воевал в лесах и на болотах,
Дороги строил, возводил мосты.
Тебе спасибо говорит пехота.
Скажи, сапёр, откуда родом ты?

— Откуда я? Да, видно, издалече,
Из тех краев, где воевал Ермак.
Давай закурим, что ли, ради встречи,
По-плотницки. Я плотник, сибиряк.

— А ты, отец, хранишь, я знаю, дома
От прошлых войн солдатские кресты.
С какой реки, с Кубани или с Дона,
Скажи, солдат, откуда родом ты?

— Не угадал. Ни с Дона, ни с Кубани,
С Москвы-реки на фронт явился я.
Мы от земли — можайские крестьяне,
Там, стало быть, и родина моя.

Войди в блиндаж, пройди по батареям,
Везде они, бойцы моей страны.
Мы вместе спим и вместе воду греем
И друг для друга жизни не жалеем —
В одну семью Отчизной сплочены.

ТЫ ПОБЕДИШЬ!

Когда тебе станет тяжело
В упорном и долгом бою,
Возьми себя в руки, товарищ,
И вспомни свою семью.

Отца своего седого
И мать, если мать жива,
Ты вспомни ее простые
Напутственные слова.

Она твои письма прячет
И, пусть со слезами, пусть,
Тобою гордясь, соседям
Читает их наизусть.

Ты вспомни еще, товарищ,
Жену, если есть жена,
Как ждет она, не дождется,
Как любит тебя она.

Как в доме твоём семейном
Заметна ее рука,
Как люди ее называют
Женою фронтовика.

Ты вспомни, товарищ, сына
И дочь, если дети есть,
Портрет твой в военной форме —
Их гордость, их детская честь.

Они тебе пишут письма
И видят тебя во сне,
Они говорят сегодня:
— У нас отец на войне!

Но если, товарищ, ты холост
И нет у тебя семьи
И умерли самые близкие
Родственники твои,

То есть у тебя, я знаю
(Не могут не быть у бойца!),
Преданные товарищи,
Испытанные сердца.

Может, сидевшие в школе
С тобой на одной скамье,
Может быть, росшие вместе
С тобою в одной семье, —

Те, которым ты дорог,
Которые рады знать,
Что жив ты и что воюешь,
Не думая умирать.

Ты вспомни о них, товарищ,
В тяжелый и трудный час,
Когда ты на поле боя,
Как будто в последний раз.

Они в твои силы верят
И в храбрость твою и в честь,
И в то, что ты твердо знаешь
Горячее слово «мечь»!

И если ты это вспомнишь,
То силы к тебе придут,
И глаз твой станет вернее,
И штык твой станет острее
За несколько этих минут.

И немец, бравший Варшаву,
Входивший маршем в Париж,
Погибнет в твоей России,
А ты в боях победишь!

СОЛДАТ

— Солдатик мой, касатик мой,
Товарищ дорогой,
Я своего ждала домой,
А вот зашел другой.

Зашел: — Хозяйка, есть попить?
— Найдется в добрый час.
Кого встречать, кормить, поить
Сегодня, как не вас!

— А можно валенки разуть,
У печки просушить,
Да крепкой ниткой как-нибудь,
Шинель в плече зашить?

Летела пуля — порвала.
И надо же задеть!
Как будто в поле не могла
Сторонкой пролететь.

— С утра в печи дрова горят,
Чтоб ты обсохнуть мог.
Садись к огню, сушись, солдат,
Снимай, солдат, сапог.

Как дома, будь в моей избе,
Давай шинель свою,
Я, как хозяину, тебе
Сейчас ее зашью.

И где-то он, хозяин мой,
Когда мне ждать его домой?

Присел солдат на табурет,
Солдата клонит в сон.
Трофейных пачку сигарет
С трудом вскрывает он.

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Да ты устал, видать?
Приляг, сынок, вздремни пока.
— И то прилягу, мать...

...А шел солдат издалека,
И все с боями шел.
Была дорога нелегка
От городов и сел.

И было некогда ему
Ни есть, ни пить, ни спать.
Все надо было моему
Солдату воевать.

Его бомбили — он лежал,
К нему летел снаряд.
В него стреляли — он бежал
Вперед, а не назад.

«Чем дальше я пройду вперед, —
Мечтал солдатик мой, —
Тем больше хлеба в этот год
Засеем мы весной.

Чем больше немцев уложу, —
Смекал он на ходу, —
Тем раньше путь освобожу,
Скорей домой приду.

При немцах на моей земле
Мне не бывать в родном селе».

И беззаветно потому
Солдат мой воевал,
И было некогда ему,
И он ночей не спал.

Лежит солдат, храпит солдат,
Командует во сне.
Рукою обнял автомат —
Привык ведь на войне!

— Проснись, солдат, хоть сон глубок,
Как ни мягка постель.
Просушен валяный сапог,
Зачинена шинель.

— И то встаю. Спасибо, мать!
Наспался за троих!
Мне не придется догонять
Товарищей своих.

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Когда ж войне конец?
— Определить нельзя пока, —
Ответствует боец. —

Но все же думается мне,
Что недалек конец войне.

Сказал солдат и вышел он
На улицу села,
А по селу со всех сторон
Дивизия текла.

Коням на гривы падал снег,
В степи мела метель.
Вперед шел русский человек,
Ремнем стянув шинель.

МОЙ БОЕЦ

Ты зайдешь в любую хату,
Ты заглянешь в дом любой —
Всем, чем рады и богаты,
Мы поделимся с тобой.

Потому что в наше время,
В дни войны, в суровый год,
Дверь открыта перед всеми,
Кто воюет за народ.

Кто своей солдатской кровью
Орошает корни трав
У родного Приднепровья,
У донецких переправ.

Никакое расстоянье
Между нами в этот час
Оторвать не в состоянье,
Разлучить не в силах нас.

Ты готовил пушки к бою,
Ты закапывался в снег —
В Сталинграде был с тобою
Каждый русский человек.

Ты сражался под Ростовом,
И в лишениях и в борьбе
Вся Россия добрым словом
Говорила о тебе.

Ты вступил на Украину,
Принимая грудью бой,
Шла, как мать идет за сыном,
Вся Россия за тобой.

Сколько варежек связали
В городах и на селе,
Сколько валенок сваляли, —
Только был бы ты в тепле.

Сколько скопленных годами
Трудовых своих рублей
Люди честные отдали, —
Только стал бы ты сильней.

Землю эту, нивы эти
Всей душой своей любя,
Как бы жили мы на свете,
Если б не было тебя?!

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест белые полосы
На окнах съезжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.

И пес на теплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе...

Накинув драный зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу — прямо на восток.

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавши, как зверёк,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Но по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза.

Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к шинели,
Родные слыша голоса,
Расскажет все, на что глядели
Его недетские глаза.

Константин Михайлович Симонов

***

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

ПЕХОТИНЕЦ

Уже темнеет. Наступленье,
Гремя, прошло свой путь дневной,
И в нами занятом селенье
Снег смешан с кровью и золой.

У журавля, где как гостинец
Нам всем студеная вода,
Ты сел, усталый пехотинец,
И все глядишь назад, туда,

Где в полверсте от крайней хаты
Мы, оторвавшись от земли,
Под орудийные раскаты,
Уже не прячась, в рост пошли.

И ты уверен в эту пору,
Что раз такие полверсты
Ты смог пройти, то, значит, скоро
Пройти всю землю сможешь ты.

УБЕЙ ЕГО!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;

Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчёл
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;

Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;

Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;

Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,

Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,

Чтоб солдатский портрет в крестах
Взял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, — так ее любил, —

Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;

Чтоб досталось трем этим псам
В столах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, —

Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.

Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.

За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.

Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.

Пусть исплчется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

СМЕРТЬ ДРУГА

Памяти Евгения Петрова

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет.

В землянке, занесен метелью,
Застольной не поет с тобой
И рядом, под одной шинелью,
Не спит у печки жестяной.

Но все, что между вами было,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься вместе не смогло.

Упрямство, гнев его, терпенье —
Ты все себе в наследство взял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.

Любовь мы завещаем женам,
Воспоминанья — сыновьям,
Но по земле, войной сожженной,
Идти завещано друзьям.

Никто еще не знает средства
От неожиданных смертей.
Все тяжелее груз наследства,
Все уже круг твоих друзей.

Взвали тот груз себе на плечи,
Не оставляя ничего,
Огню, штыку, врагу навстречу
Неси его, носи его!

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его всего лишь переложить
На плечи тех, кто будет жив.

И кто-то, кто тебя не видел,
Из третьих рук твой груз возьмет,
За мертвых мстя и ненавядя,
Его к победе донесет.

ФЛЯГА

Когда в последний путь
Ты отправляешь друга,
Есть в дружбе, не забудь,
Посмертная услуга:

Оружье рядом с ним
Пусть в землю не ложится,
Оно еще с другим
Успеет подружиться.

Но флягу, что с ним дни
И ночи коротала,
Над ухом ты встряхни,
Чтоб влага не пропала,

И, коль ударит в дно
Зеленый хмель солдатский, —
На два глотка вино
Ты раздели по-братски.

Один глоток отпей,
В земле чтоб мертвым спалось
И дольше чтоб по ней
Живым ходить осталось.

Оставь глоток второй
И, прах предав покою,
С ним флягу ты зарой,
Была чтоб под рукою.

Чтоб в день победы смог
Как равный вместе с нами
Он выпить свой глоток
Холодными губами.

***

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

***

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Алексей Александрович Сурков

ЗЕМЛЯНКА

Софье Крево

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

***

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покатилаcь вспять
Немецкая железная волна.

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

***

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую ляжку тяну.
Черeda лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат.
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе, —
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико, —
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Чужих указателей белые стрелы
С высоких столбов срывают бойцы.
Над пеплом сырым, по ветвям обгорелым
Тревожно снуют погорельцы-скворцы.

К знакомым местам из-за теплого моря
Они прилетели сегодня чуть свет.
А здесь — пепелища в крови и разоре,
Ни хат, ни ребят, ни скворечников нет.

Ну как это птичье бездомное горе
Отзывчивой русской душе не постичь?
Сощурясь от солнца, на вешнем просторе
Волнуется плотник — сапер-костромич.

— И людям мученье, и птицам не сладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Саперы срубить погорельцам должны...

Звенят топоры. Зашуршали рубанки
Над прелью пропитанной кровью земли.
Горелые доски, и старые планки,
И ржавые гвозди в работу пошли.

Червонного золота желтые пятна
Весна разбросала по плоским штыкам.
Сегодня мы плотники. Любо, приятно
Стругать эти доски рабочим рукам.

И кровля и стенки отструганы гладко.
Соленые капли набухли на лбу.
Над пеплом пожарища новая хатка
Уютно белеет на черном дубу.

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно под теплым весенним дождем
Посадим дубы и под новый скворечник
Венцы человечьей судьбы подведем.

***

Трупы в черных канавах. Разбитая гать.
Не об этом мечталось когда-то.
А пришлось мне, как видишь, всю жизнь воспевать
Неуютные будни солдата.

Луг в ромашках серебряных сказочно бел,
И высокое облако бело.
Здесь мой голос на резком ветру огрубел,
Да и сердце мое огрубело.

Ничего не поделать! Такая судьба
Привалила для нашего брата.
Оттого и робка и немного груба
Неуклюжая нежность солдата.

Но и мы ведь заявимся в отческий дом
Из землянки, холодной и тесной.
Может, сердцем тогда в тишине отойдем
И напишем веселые песни.

***

Мост. Подъем. И с крутого взгорья
Вид на выжженное село.
Зачерпнули мы злого горя,
Сколько сердце вместить могло.

Мы в походе не спим недели,
Извелись от гнилой воды;
Наши волосы поседали
От своей и чужой беды.

Мы идем, врагов настигая
На развалинах городов.
Ширь отбитых полей нагая
Нам дороже райских садов.

Будет нами прожит и выжит
Этот третий, жестокий год,
Нашу нежность злоба не выжжет,
Если в сердце любовь живет.

***

Войны имеют концы и начала...
Снова мы здесь, на великой реке,
Села в разоре. Земля одичала.
Серые мыши шуршат в сорняке.

Мертвый старик в лопухах под забором.
Трупик ребенка придавлен доской...
Всем нас пытали — и голодом и мором,
Жгучим стыдом и холодной тоской.

В битвах пропитаны наши шинели
Запахом крови и дымом костра.
В зной наши души не раз леденели,
В стужу сердца обжигала жара.

Шли мы в атаку по острым камням,
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколениям
Тяжесть, которую подняли мы.

Ветер гуляет по киевским кручам,
И по дорогам, размытым дождем,
Наперекор нависающим тучам
Мы за весной и за солнцем идем.

Только бы буря возмездья крепчала,
Гневом сильней обжигала сердца...
В красном дыму затерялись начала,
Трубам победы греметь у конца.

УТРО В ОКОПЕ

Когда по окопам прошла перекличка,
Когда мы за чаем беседу вели,
Порхнула хохлатая серая птичка
Над кромкой ничьей, одичалой земли.

На ближней раките листву колыхнула,
И отзвуком прежних, спокойных времен
Над полем, оглохшим от грома и гула,
Рассыпался тихий, серебряный звон.

Просторно вдохнули солдатские груди
Весеннего воздуха влажную прель.
Сердцами и слухом окопные люди
Ловили нежданную, чистую трель.

И самый старейший из нашего круга
Сказал, завивая махорочный дым:
— Вот тоже, не бог весть какая пичуга,
А как заливается! Рада своим.

***

Частоколы, колючка, траншеи, рвы.
От пожарищ в глазах черно.
А вокруг погляди — по полям Литвы
Наливное зреет зерно.

Нынче жито в полях в человеческий рост,
Лен высок, и усат ячмень.
На горе село, за селом погост,
На погосте прохлада, тень.

Под крестами погоста пехотный взвод
В летний полдень встал на привал.
Он пылит по дорогам четвертый год,
Он и Волгу и Дон знавал.

Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упряма человек!
Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.

Взвод шагал три года сквозь дым и тьму,
Позабыл и сон и покой.
И сказали вчера, что теперь ему
До границы подать рукой.

Он сегодня в поход поднялся чуть свет.
Он идет, не жалея сил.
И на свете такого заслона нет,
Чтобы смелых остановил.

Он равняет шаг, суров, как судьба,
Этот, все испытавший, взвод.
Вдоль дорог Литвы поднялись хлеба
И торопят его вперед.

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец: — Отмаялись! Баста! —
И заметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещающая солнечный день.

Михаил Аркадьевич Светлов

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ (ПОЭМА)

ВСТУПЛЕНИЕ

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Проходи, мой стих, путём победным,
Чтобы, изучая не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!

Проплывут гвардейские знамёна,
И ракеты вспыхнут на пути,
Каждого гвардейца поимённо
Пригласив в бессмертие войти.

Вытирая о ступеньки ноги,
Он взойдёт тихонько по крыльцу,
Он войдёт и встанет на пороге
Песни, посвящённой храбрецу.

Бледный и усталый от сраженья,
Он войдёт и скажет на ходу:
— Я в грязи, а здесь — стихотворенье!
Лучше я, товарищи, уйду!

Оставайся! Мы тебя не пустим!
Здесь твой дом! И здесь твоя семья!
Лучшая учительница чувствам —
Русская застенчивость твоя!

Домовитый, мужественный, честный,
По-хозяйски посмотри вокруг,
Песня без хозяина — не песня!
Будь её хозяином, мой друг!

Потому что каждая страница —
Мужества широкие поля,
Песнями, легендами, пшеницей
Русская богатая земля!

Заходи же! Ты имеешь право!
Оставайся! Ты — хозяин тут,
Потому что реки нашей славы
В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротой рота
В смертный бой, и впереди, взгляни, —
Партии раскрытые высоты,
Комсомола яркие огни!

КОМСОМОЛ

Комсомол! Это слово давно
Произносится мной нараспев,
Это — партии ранний посев,
ВКП золотое зерно.

Старость юность мою заметёт, —
Я до старости чуть не дошёл,
Слышу — мужество в марше идёт,
Оборачиваюсь: Комсомол!

Ты меня через годы провёл,
Терпеливо учил сочинять...
Мне б до старости славу догнать!
Задыхаясь, догнал — Комсомол!

Ты и слава, и мужество ты!
Ты — большое семейство одно,
Поднимаясь горам на хребты,
Опускаясь ущельям на дно,

Через снег, через топи болот
Миллион комсомольцев идёт.
Это выдумать даже нельзя,
Чтобы были такие друзья.

Коммунист! Комсомолец! Боец!
Нам назад отступить не дано!
И тогда двадцать восемь сердец
Застучали как сердце одно.

И тогда молодой политрук
Посмотрел на себя, на ребят, —
Двадцать восемь протянутых рук,
Двадцать восемь взведённых гранат!

КОГДА УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого ночлега
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашье!

С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы,
Склонитесь, берёзы, над нами!

Идём, политруком ведомы,
К победе и к смерти готовы...
Эх, жаль, что далёко до дому,
А ворон — не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
Тебе ль оставаться вдовою?..
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской ночной тишиною
Покрыта Иркутская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть!

Заснежена наша избушка,
Мальчонка играет с собакой...
Гвардейцы! Фашиста — на мушку!
За мною, гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не увидимся будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минута,
А родине — все остальные!

Мы жили семьёю счастливой,
Мы прожили век не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...

Всё ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!

Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское впейся...
Бессмертье встаёт в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

ЗАВЕЩАНИЕ

Ушла гвардейская семья,
И расспросить об этом некого...
Вставай, фантазия моя,
На пост разъезда Дубосеково.

По пядям землю осмотри
В снегах молчания угрюмого
И каждый подвиг повтори,
Бессильная сама выдумывать!

Ты собери по капле кровь,
Ползя полями невесёлыми,
Чтоб стали двадцать восемь вновь
Земли советской новоселами.

Не устилай поля атак
Ни горестью и ни печальями...
Гвардеец скажет: «Нет! Не так,
Совсем иначе умирали мы!»

Достоинно смерть свою встречал,
Как будто жизнь встречает заново,
Так — я свидетель — умирал
Мой друг Крючков Абрам Иванович.

Сознав, что сделал всё, что мог,
Спокойно, как всегда, как давеча,
Недавно Добробабин лёг, —
Так смерть нашла Иван Евстафьича.

Но пламеннее всех бойцов,
Как будто сто сердец в груди его,
Погиб наш политрук Клочков,
Которого я знал как Диева.

Пусть мне сто лет прожить сулят,
Пусть вечность поднесут на блюдечке, —
Я политрука и ребят
Покину, только мёртвым будучи!

И Шепеткова — земляка,
И Сенгирбаева — татарина,
Но только жизнь одна пока
Бойцу с рождения подарена.

И мне, дружок, не по плечу
Наш общий подвиг обнародовать.
Я только жизнь свою хочу
В гвардейской схватке израсходовать.

Враги зарылись под огнём,
И некуда, проклятым, деться им:
Земля на тыщи вёрст кругом
Полна советскими гвардейцами!

Споют о нас в краю родном,
И, может, строчка в песне выльется
И обо мне — как об одном
Из двадцати восьми панфиловцев.

Поэт! Приветствуй мой народ,
Поздравь его с победой скорою...
Так гвардия идёт вперёд,
Так продолжается история!

ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Гвардейцы! Мы прожили годы не зря,
Недаром в сражения шли!
Над нами не раз поднималась заря —
Гвардейское знамя земли.

В бою неустанно — опять и опять —
Гвардейское наше житьё!
И смерть удивлялась, не в силах понять,
Что так презирают её!

Родная страна провожала бойца,
Прощались — и не было слёз.
Когда уносили мы наши сердца
От русских, от белых берёз.

Вот так мы сражаемся, дышим, живём
Великой гвардейской семьёй.
Придём мы к победе и в песню войдём,
Как люди приходят домой!

ПИСЬМО

Мы с утра занимаем окоп,
Кочку каждую оберегая...
Я далёко, и ты далеко...
Что ты скажешь, моя дорогая?

Много смерти
И много огня
Посреди необъятного поля...
Ты навряд ли увидишь меня...
Как ты думаешь, милая Поля?

Ты уйми своё девичье горе,
Ты пойми, что, поднявшись в атаку,
Твой любимый Петренко Григорий
Не хотел, чтобы кто-нибудь плакал.

Пусть я буду убит наповал,
Вспоминай о гвардейце без плача.
Он любимую родину звал
И тебя называл не иначе.

Сколько в республике нашей
Раздолья!
И сколько похожей на нас
Молодёжи!

На север до полюса
(Похоже на «Поля»),
На запад до Польши
(Тоже похоже!)

Протянулось пространство
Далеко на восток
(Каждой речки изгиб —
Будто твой локоток).

Над Воронежем, думаю,
Падает снег
(Там, где девичий твой
Приготовлен ночлег).

А южнее небось
Очень много тепла
(Будто ты там жила
Или только была)...

Вот склонился к плечу моему
Сенгирбаев — сподвижник мой старый...
(Я никак не пойму, почему
Воевали с Россией татары!)

И вот мы лежим —
Все двадцать восемь,
Будто погибает
Одна семья...

Помни о нас —
Мы тебя очень просим,
Кровь моя!
Любовь моя!
Дорогая моя!

Гвардейцы, в атаку! Прощай... Некогда...
Запомни навек
Политрука слова:
— Велика Россия, а отступать некуда:
Позади — Москва!

Проходит ночь. Шум боя стих.
К утру бойцы оцепенели.
Заря окутывает их
Своей сияющей шинелью.

САЛЮТ

К утру огонь пулемётов ослаб
И гул миномётов стих...
Горе моё проникает в штаб,
Минуя всех часовых.

Командный пункт. Пустой блиндаж.
Глухой коридор земли
Безмолвен... Скажи, часовой: куда ж,
Куда же они ушли?

Чёрной стеной стоят леса,
Снежный лежит простор...
Ушёл батальон, ушёл комиссар,
Ушёл генерал-майор.

И это молчание, выйдя в бой,
Дивизии опередив,
Взорвётся над вражеской головой,
Как ненависти разрыв.

Мы в этих складках сомкнутых губ
Такую месть храним,
Такую боль, что не хватит труб,
Когда мы заговорим!

И в залп троекратный бойцы сольют
Ненависть, месть и боль...
Товарищ начальник! В общий салют
И этим стихам позволь!

Чтобы песня вперёд устремилась,
Лобовую атакой гремела,
Чтобы всё, что на мне, — задымилось,
Чтобы всё, что во мне, — закипело!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Всё, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим.

Мы пойдём путём подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых отступлений,
Сладость завоёванных побед.

По минуте каждой повторится
Наш сегодняшний военный день,
И мгновенно память озарится
Пламенем горящих деревень.

И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведёт нас за собой,
Пробираясь тёмными ночами
Тёмной партизанскою тропой.

Вспомним, как мы время измеряли
По движенью пулемётных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.

Как стихи писали, как на месте
Останавливалось перо
В ожиданье утренних известий
От Советского информбюро.

Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообща,
Как шипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.

В этом гуле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их,
Навсегда на сердце отпечатав
Имена погибших и живых.

И чтоб лучше видеть это время,
Всё пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей,

Чтоб они, войдя весёлым строем
В нами завоёванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты *на* поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранном ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

Маргарита Алигер

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Уснул, мое сокровище,
не встанет ото сна.
Не выветрилась кровь еще,
земля еще красна.

И новая трава еще
над ним не проросла.
И рядом спят товарищи,
не встанут ото сна.

И птицы поднебесные,
когда на юг летят,
могилы эти тесные
в полете разглядят.

И земляки солдатские,
когда в поля пойдут,
могилы эти братские
не вспашут, обойдут.

Ветрами чисто метены,
без памятных камней,
хранит земля отметины
погибших сыновей.

И если чудо сбудется
в далекие года,
война людьми забудется,
землею — никогда!

ЗОЯ (ПОЭМА)

ВСТУПЛЕНИЕ

Я так приступаю к решению задачи,
как будто конца и ответа не знаю.
Протертые окна бревенчатой дачи,
раскрыты навстречу московскому маю.

Солнце лежит на высоком крылечке,
девочка с книгой сидит на пороге.

«На речке, на речке,
па том бережочке,
мыла Марусенька белые ноги...»

И словно пронизана песенка эта
журчанием речки и смехом Маруси,
окрашена небом и солнцем прогрета...

«Плыли к Марусеньке
серые гуси...»

Отбросила книгу, вокруг поглядела.
Над медными соснами солнце в зените...
Откинула голову, песню допела:

«Вы, гуси, летите,
воды не мутите...»

Бывают на свете такие мгновенья,
такое мерцание солнечных пятен,
когда до конца исчезают сомненья
и кажется, мир абсолютно понятен.
И жизнь твоя будет отныне прекрасна —
и это навек, и не будет иначе.
Все в мире устроено прочно и ясно —
для счастья, для радости, для удачи.
Особенно это бывает в начале
дороги,
когда тебе лет еще мало
и если и были какие печали,
то грозного горя еще не бывало.
Все в мире открыто глазам человека,
Он гордо стоит у высокого входа
...Почти середина двадцатого века.

Весна девятьсот сорок первого года.
Она начиналась экзаменом школьным,
тревогой неясною и дорогою,
манила на волю мячом волейбольным,
игрою реки, тополиной пургою.

Московские неповторимые весны.
Лесное дыхание хвои и влаги.
...Район Тимирязевки, медные сосны,
белья на веревках веселые флаги.
Как мудро, что люди не знают заранее
того, что стоит неуклонно пред ними.
— Как звать тебя, девочка?
— Зоей.
— А Таня?
— Да, есть и такое хорошее имя.

Ну что же, поскольку в моей это власти
тебя отыскать в этой солнечной даче,
мне хочется верить, что ждет тебя счастье,
и я не желаю, чтоб было иначе.
В сияющей рамке зеленого зноя,
на цыпочки приподымаясь немножко,
выходит семнадцатилетняя Зоя,
московская школьница-длинноножка.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Жизнь была скудна и небогата.
Дети подрастали без отца.
Маленькая мамина зарплата —
месяц не дотянешь до конца.
Так-то это так, а на поверку
не скучали.
Вспомни хоть сейчас,
как купила мама этажерку,
сколько было радости у нас.
Столик переставь, кровати двигай,
шума и силенок не жалея.
Этажерка краше с каждой книгой,
с каждым переплетом веселей.
Скуки давешней как не бывало!
Стало быть, и вывод будет прост:
человеку нужно очень мало,
чтобы счастье встало в полный рост.

Девочка, а что такое счастье?
Разве разобрались мы с тобой?
Может, это значит — двери настезь,
в ветер окунуться с головой,
чтобы хвойный мир колол на ощупь
и горчил на вкус
и чтобы ты
в небо поднялась —
чего уж проще б! —
а потом спустилась с высоты.
Чтоб перед тобой вилась дорога,
ни конца, ни краю не видать.
Нам для счастья нужно очень много.
Столько, что и в сказке не сказать.

Если в сказке не сказать, так скажет
золотая песня, верный стих.
Пусть мечта земной тропинкой ляжет
у чиненых туфель твоих.
Все, за что товарищи боролись,
все, что увидеть Ильич хотел...
Чтоб уже не только через полюс —
вкруг планеты Чкалов полетел.
Чтобы меньше уставала мама
за проверкой письменных работ.
Чтоб у гор Сиерра-Гвадаррама
победил неистовый народ.
Чтоб вокруг сливались воедино
вести из газет, мечты и сны.
И чтобы папанинская льдина
доплыла отважно до весны.

Стала жизнь богатой и веселой,
ручейком прозрачным потекла.
Окнами на юг стояла школа,
вся из света, смеха и стекла.
Места много, мир еще не тесен.
Вечностью сдается каждый миг.
С каждым днем ты знаешь больше песен,
с каждым днем читаешь больше книг.
Девочка, ты все чему-то рада,
все взволнованней, чем день назад.
Ты еще не знаешь Ленинграда!
Есть еще на свете Ленинград!

Горячась, не уступая, споря,
милая моя, расти скорей!
Ты еще не видывала моря,
а у нас в Союзе сто морей.
Бегай по земле, не знай покоя,
все спеши увидеть и понять.
Ты еще не знаешь, что такое
самого любимого обнять.

Дверь толкнешь — и встанешь у порога.
Все-то мы с утра чего-то ждем.
Нам для счастья нужно очень много.
Маленького счастья не возьмем.
Горы на пути — своротим гору,
вычерпаем реки и моря.
Вырастай такому счастью впору,
девочка богатая моя.

***

И встал перед ней переполненный мир,
туманен и солнечен, горек и сладок,
мир светлых садов, коммунальных квартир,
насущенных забот, постоянных нехваток,
различных поступков и разных людей.
Он встал перед ней и велел ей пробиться
сквозь скуку продмаговских очередей,
сквозь длинную склоку квартирных традиций.
Он встал перед ней, ничего не тая,
во всей своей сущности, трезвой и черствой.
И тут начинается правда твоя,
твое знаменитое единоборство.
Правда твоя.
Погоди, не спеши.
Ты глянула вдаль не по-детски сурово,
когда прозвучало в твоей тиши
это тяжелое русское слово.
Не снисходящее ни до чего,
пристрастное и неподкупное право.

Звучит это слово,
как будто его
Ильич произносит чуть-чуть картаво.
И столько в нем сухого огня,
что мне от него заслониться нечем,
как будто бы это взглянул на меня

Дзержинский,
накинув шинель на плечи.
И этому слову навеки дано
быть нашим знаменем и присягой.
Издали пахнет для нас оно
печатною краской, газетной бумагой.

Так вот ты какой выбираешь путь!
А что, если знаешь о нем понаслышке?
Он тяжкий.

Захочется отдохнуть,
но нет и не будет тебе передышки.
Трудна будет доля твоя, трудна.
Когда ты с прикушенной губою
из школы уходишь домой одна,
не зная, что я слежу за тобою,
или когда отвернешься вдруг,
чтобы никто не увидел, глотая
упрек педагога, насмешку подруг,
не видя, что я за тобой наблюдаю,
я подойду и скажу тебе:

— Что ж,
устала, измучилась, стала угрюмой.
А может, уже поняла: не дойдешь.
Пока еще можно свернуть, подумай.
Недолго в твои молодые лета
к другим, не к себе, относиться строже.
Есть прямолинейность и прямота,
но это совсем не одно и то же.
Подруги боятся тебя чуть-чуть,
им неуютно и трудно с тобою.
Подумай: ты вынесешь этот путь?
Сумеешь пробиться ценою любою?

Но этот настойчивый, пристальный свет
глаз, поставленных чуточку косо.
Но ты поднимаешься мне в ответ,
и стыдно становится мне вопроса.
И сделалась правда повадкой твоей,
порывом твоим и движеньем невольным
в беседах со взрослыми,
в играх детей,
в раздумьях твоих и в кипении школьном.
Как облачко в небе,
как след от весла,

твоя золотистая юность бежала.
Твоя пионерская правда росла,
твоя комсомольская правда мужала.
И шла ты походкой, летящей вперед,
в тебе приоткрытое ясное завтра,
и над тобою, как небосвод,
сияла твоя большевистская правда.

***

И, устав от скучного предмета,
о своем задумаешься ты.
... Кончатся зачеты.
Будет лето.
Сбивчивые пестрые мечты...
Ты отложишь в сторону тетрадку.
Пять минут потерпит! Не беда!
Ну, давай сначала,
по порядку.
Будет все, как в прошлые года.
По хозяйству сделать все, что надо,
и прибраться наскоро в дому,
убежать в березы палисада,
в желтую сквозную кутерьму.
И кусок косою недолгой тени
в солнечном мельканье отыскать,
и, руками охватив колени,
книжку интересную читать.
Тени листьев, солнечные пятна...
Голова закружится на миг.
У тебя составлен аккуратно
длинный список непрочтенных книг.
Сколько их!
Народы, судьбы, люди...
С ними улыбаться и дрожать.
Быть собой и знать, что с ними будет,
с ними жить и с ними умирать.
Сделаться сильнее и богаче,
с ними ненавидя и любя.

Комнатка на коммунальной даче
стала целым миром для тебя.
Вглядываться в судьбы их и лица,
видеть им невидимую нить.
У одних чему-то научиться
и других чему-то научить.

Научить чему-то.
Но чему же?
Прямо в душу каждого взглянуть,
всех проверить, всем раздать оружие,
всех построить и отправить в путь.
Жить судьбою многих в каждом миге,
помогать одним, винить других...

Только разве так читают книги?
Так, пожалуй, люди пишут их.
Может быть.
И ты посмотришь прямо
странными глазами.
Может быть...
С тайною тревогой спросит мама:
— Ты решила, кем ты хочешь быть?
Кем ты хочешь быть!
И сердце взмлет
прямо в небо.
Непочатый край
дел на свете.
Мир тебе откроет
все свои секреты.
Выбирай!

Есть одно,
заветное,
большое, —
как бы только путь к нему открыть?
До краев наполненной душою
обо всем с другими говорить,
Это очень много, понимаешь?
Силой сердца, воли и ума
людям открывать все то, что знаешь
и во что ты веруешь сама.
Заставлять их жить твоей тревогой,
выбирать самой для них пути.
Но откуда, как, какой дорогой
к этому величию прийти?

Можно стать учительницей в школе.
Этим ты еще не увлеклась?
Да, но это только класс, не боле.
Это мало, если только класс.
Встать бы так, чтоб слышны стали людям
сказанные шепотом слова.

Этот путь безжалостен и труден.
Да, но это счастье.
Ты права.
Ты права, родная, это счастье —
все на свете словом покорить.
Чтоб в твоей неоспоримой власти
было с целым миром говорить,
чтобы слово музыкой звучало,
деревом диковинным росло,
как жестокий шквал, тебя качало,
как ночной маяк, тебя спасло,
чтобы все, чем ты живешь и дышишь,
ты могла произнести всегда,
а потом спросила б землю:
— Слышишь? —
И земля в ответ сказала б:
— Да.

Как пилот к родному самолету,
молчаливый, собранный к полету,
трезвый и хмелеющий идет,
так и я иду в свою работу,
в каждый свой рискованный полет.
И опять я счастлива, и снова
песней обернувшееся слово
от себя самой меня спасет.
(Путник, возвращаясь издалека,
с трепетом глядит из-под руки —
так же ли блестят из милых окон
добрые, родные огоньки.

И такая в нем дрожит тревога,
что передохнуть ему нельзя.
Так и я взглянула от порога
в долгожданные твои глаза.

Но война кровава и жестока,
и, вернувшись с дальнего пути,
можно на земле
ни милых окон,
ни родного дома не найти.

Но осталась мне моя отвага,
тех, что не вернутся, голоса
да еще безгрешная бумага,
быстролетной песни паруса.)

***

Так и проходили день за днем.
Жизнь была обычной и похожей.
Только удивительным огнем
проступала кровь под тонкой кожей.
Стал решительнее очерк рта,
легче и взволнованней походка,
и круглее сделалась черта
детского прямого подбородка.
Только, может, плечики чуть-чуть
по-ребячьи вздернуты и узки,
но уже девическая грудь
мягко подымает ситец блузки.
И еще непонятая власть
в глубине зрачков твоих таится.
Как же это должен свет упасть,
как должны взлететь твои ресницы,
как должна ты сесть или привстать,
тишины своей не нарушая?
Только вдруг всплеснет руками мать:
— Девочка, да ты совсем большая!
Или, может, в солнечный денек,
на исходе памятного мая,
ты из дому выбежишь, дружок,
на бегу на цыпочки вставая,
и на старом платъице твоём
кружево черемуховой ветки.

— Зоя хорошеет с каждым днем, —
словом перекинутся соседки.

В школьных коридорах яркий свет.
Ты пройдешь в широком этом свете.
Юноша одних с тобою лет удивится,
вдруг тебя заметив.
Вздрогнет, покраснеет, не поймет.
Сколько лет сидели в классе рядом,
спорили, не ладили...

И вот
глянула косым коротким взглядом,
волосы поправила рукой,
озаренная какой-то тайной.
Так когда ж ты сделалась такой —
новой, дорогой, необычайной?

Нет, совсем особенной, не той,
что парнишку мучила ночами.
Не жемчужною киномечтой,
не красоткой с жгучими очами.

— Что ж таится в ней?

— Не знаю я.

— Что, она красивая?

— Не знаю.

Но, — какая есть, она — моя,
золотая,
ясная,
сквозная. —

И увидит он свою судьбу
в девичьей летающей походке,
в прядке, распушившейся на лбу,
в ямочке на круглом подбородке.

(Счастье, помноженное на страданье,
в целом своем и дадут, наконец,
это пронзительное, как рыданье,
тайное соединение сердец.

Как началось оно?

Песнею русской?

Длинной беседой в полуночный час?

Или таинственной улочкой узкой,
никому не ведомой, кроме нас?

Хочешь —

давай посмеемся, поплачем!

Хочешь —

давай пошумим,
помолчим!

Мы — заговорщики.

Сердцем горячим
я прикоснулась к тебе в ночи.)

Вот они — дела!

А как же ты?

Сердца своего не понимая,
ты жила.

Кругом цвели цветы,
наливались нивы силой мая.
Травы просыпались ото сна,
все шумнее делалась погода,
и стояла поздняя весна
твоего осьмнадцатого года.

За пронзенной солнцем пеленой
та весна дымилась пред тобою
странною, неназванной, иной,
тайной и заманчивой судьбою.
Что-то будет!
Скоро ли?
А вдруг!
Тополя цветут по Подмоскovie,
и природа светится вокруг
странным светом,
может быть, любовью.

***

Ну вот.
Такой я вижу Зою
в то воскресенье, в полдне там,
когда военною грозою
пахнуло в воздухе сухом.
Теперь, среди военных буден,
в часок случайной тишины,
охотно вспоминают люди
свой самый первый день войны.
До мелочей припоминая
свой мир,
свой дом,
свою Москву,
усмешкой горькой прикрывая
свою обиду и тоску.

Ну что ж, друзья!
Недолюбили,
недоработали,
не так,
как нынче хочется, дожили
до первых вражеских атак.
Но разве мы могли б иначе
на свете жить?
Вины ничьей
не вижу в том, что мы поплачем,
бывало, из-за мелочей.
Мы все-таки всерьез дружили,
любили, верили всерьез.
О чем жалеть?
Мы славно жили,
как получилось, как пришлось.

Но сразу
вихрь,
толчок,
минута,
и, ничего не пощадив,
на полутоне сорван круто
с трудом налаженный мотив.
Свинцовым зноем полыхнуло,
вошло без стука в каждый дом
и наши окна зачеркнуло
чумным безжалостным крестом.
Крест-накрест синие полосы
на небо, солнце и березки,
на наше прошлое легли,
чтоб мы перед собой видали
войной зачеркнутые дали,
чтоб мы забыться не могли.
Глаза спросонок открывая,
когда хлестнет по окнам свет,
мы встрепаемся, вспоминая,
что на земле покоя нет.
Покоя нет и быть не может.
Окно как раненая грудь.
Нехитрый путь донине прожит.
Отныне начат новый путь.
Все в мире стало по-другому.
Неверен шум, коварна тишь.
Ты выйдешь вечером из дому,
вокруг пытливо поглядишь.
Но даже в этой старой даче,
в тревожный погруженной мрак,
все изменилось, все иначе,
еще никто не знает как.

ВТОРАЯ ГЛАВА

С девятого класса, с минувшего лета,
у тебя была книжечка серого цвета.
Ее ты в отдельном кармане носила
и в месяц по двадцать копеек вносила.
Мы жили настолько свободно и вольно,
не помня о том, что бывает иначе,
что иногда забывали невольно,
что мы комсомольцы и что это значит.

Все праздником было веселым и дерзким,
жило нам на свете светло и просторно.
Развевалось детство костром пионерским,
растаяло утренней песенкой горна.

Вы в мирное время успели родиться,
суровых препятствий в пути не встречали,
но ритмом былых комсомольских традиций
сердца возмужавшие застучали.
И в знойные ночи военного лета
вы всей своей кровью почувяли это.

Еще тебе игр недоигранных жалко,
и книг непрочитанных жаль, и еще ты
припрячешь — авось пригодится — шпаргалку.
А вдруг еще будут какие зачеты!
Еще вспоминаешь в тоске неминуемой
любимых товарищей, старую парту...
Ты все это помнишь и любишь? Тем лучше.
Все это поставлено нынче на карту.
Настала пора, и теперь мы в ответе
за каждый свой взнос в комсомольском билете.
И Родина нынче с нас спрашивать вправе
за каждую букву в нашем Уставе.
Тревожное небо клубится над нами.
Подходит война к твоему изголовью.
И больше нам взносы платить не рублями,
а может быть, собственной жизнью и кровью.

Притоптаным житом, листвою опалой,
сожженная солнцем, от пыли седая,
Советская Армия,
ты отступала,
на ноги истертые припадая.
Искрились волокна сухой паутины,
летели на юг неизменные гуси,
ты шла, покидая поля Украины,
ты шла, оставляя леса Беларуси.
А люди?
А дети?
Не буду, не буду...
Ты помнишь сама каждой жизнью своею.
Но кровь свою ты оставляла повсюду,
наверно затем, чтоб вернуться за нею.
О запах шинельного черного пота!
О шарканье ног по кровавому следу!

А где-то уже подхихикивал кто-то,
трусливо и жалко пиная победу.
Как страшно и горько подумать,
что где-то уже суетились, шипя и ругая...

О чем ты?

Не вздрагивай, девочка, это
не те, за кого ты стоишь, дорогая.

Нет, это не те, чьи любимые люди
в окопах лежат у переднего края,
что в лад громыханью советских орудий
и дышат и верят,

Не те, дорогая.

Нет, это не те, что в казенном конверте,
в бессильных, неточных словах извещенья
услышали тихое сердце бессмертья,
увидели дальнее зарево мщенья.

Нет, это не те, что вставали за Пресню,
Владимирским трактом в Сибирь уходили,
что плакали, слушая русскую песню,
и пушкинский стих, как молитву, твердили,

Они — это нелюди, копоть и плесень,
мышинные шумы, ухмылки косые.

И нет у них родины, нет у них песен,
и нет у них Пушкина и России!

Но Зоя дрожит и не знает покоя,
от гнева бледнея,
от силы темнея:

"Мне хочется что-нибудь сделать такое,
чтоб стала победа слышней и виднее!"

Стояло начало учебного года.

Был утренний воздух прохладен и сладок.

Кленовая, злая, сухая погода,

шуршание листьев и шорох тетрадок.

Но в этом учебном году по-другому.

Зенитки, взведенные в сквериках рыжих.

В девятом часу ты выходишь из дому,

совсем налегке,

без тетрадок и книжек.

Мне эта дорога твоя незнакома.

В другой стороне двести первая школа.

Осенней Москвой, по путевке райкома,

идет комсомолка в МК комсомола.

Осенней Москвою,

октябрьской Москвою...
Мне видится взгляд твой, бессонный и жесткий,
Я только глаза от волнения закрою
и сразу увижу твои перекрестки.
Душе не забыть тебя,
сердцу не бросить,
как женщину в горе,
без маски, без позы.
Морщины у глаз,
промелькнувшая проседь,
на горьких ресницах повисшие слезы.
Все запахи жизни, проведенной вместе,
опять набежали, опять налетели, —
обрызганной дождиком кровельной жести
и острой листвы, отметенной к панели.
Все двигалось,
шло,
продолжалась работа,
и каждая улица мимо бежала.
Но тихая, тайная, тонкая нота
в осенних твоих переулках дрожала.
Звенели твои подоженные клены,
но ты утешала их теплой рукою.
Какой же была ты тогда?
Оскорбленной?
Страдающей?
Плачущей?
Нет, не такою.
Ты за ночь одну на глазах возмужала,
собралась,
ремни подтянула потуже.
Как просто заводы в тайгу провожала
и между бойцами делила оружие.
Какою ты сделалась вдруг деловитой.
Рассчитаны, взвешены жесты и взгляды.
Вколочены рельсы,
и улицы взрыты,
и в переулках стоят баррикады.
Как будто с картины о битвах на Пресне,
которая стала живой и горячей.
И нету похожих стихов или песни.
Была ты
Москвой —
и не скажешь иначе.
И те, кто родился на улицах этих

и здесь, на глазах у Москвы, подрастали,
о ком говорили вчера, как о детях,
сегодня твоими солдатами стали.
Они не могли допустить, чтоб чужая
железная спесь их судьбу затоптала.
А там,
у Звенигорода,
у Можая,
шла грозная битва людей и металла.
В твоих переулках росли баррикады.
Железом и рвами Москву окружали.
В МК
отбирали людей в отряды.
В больших коридорах
толпились, жужжали
вчерашние мальчики, девочки, дети,
встревоженный рой золотого народа.
Сидел молодой человек в кабинете,
москвич октября сорок первого года.
Пред ним проходили повадки и лица.
Должно было стать ему сразу понятно,
который из них безусловно годится,
которого надо отправить обратно.
И каждого он оглядывал сразу,
едва появлялся тот у порога,
улавливал еле заметные глазу смущенье,
случайного взгляда тревогу.
Он с разных сторон их старался увидеть,
от гнева в глазах до невольной улыбки,
смутить,
ободрить,
никого не обидеть,
любою ценою не сделать ошибки.
Сначала встречая, потом провожая,
иных презирал он,
гордился другими.
Вопросы жестокие им задавая,
он сам себя тоже опрашивал с ними.
И если ответить им было нечем,
и если они начинали теряться,
он всем своим юным чутьем человеческим
до сути другого старался добраться.
Октябрьским деньком, невысоким и мгlistым,
в Москве, окруженной немецкой подковой,
товарищ Шелепин,

ты был коммунистом
со всей справедливостью нашей суровой.

Она отвечала сначала стоя,
сдвигая брови при каждом ответе:

— Фамилия?

— Космодемьянская.

— Имя?

— Зоя.

— Год рождения?

— Двадцать третий.

Потом она села на стул.

А дальше

следил он, не кроется ли волнение,
и нет ли рисовки,
и нет ли фальши,
и нет ли хоть крошечного сомненья.

Она отвечала на той же ноте.

— Нет, не заблудится.

— Нет, не боится.

И он, наконец, записал в блокноте
последнее слово свое:

«Годится».

Заметил ли он на ее лице
играющий отблеск далекого света?

Ты не ошибся
в этом бойце,
секретарь Московского Комитета.

***

Отгорели жаркие леса,
под дождем погасли листья клена.

Осень поднимает в небеса
отсыревшие свои знамена.

Но они и мокрые горят,
занимаясь с западного края.

Это полыхает не закат,
это длится бой, не угасая.

Осень, осень. Век не забудь
тихий запах сырости и тленья,
выбитый, размытый, ржавый путь,
мокрые дороги отступленья,
и любимый город без огня,
и безлюдных улочек морщины...

Ничего, мы дожили до дня
самой долгожданной годовщины.
И возник из ветра и дождя
смутного, дымящегося века
гордый голос нашего вождя,
утомленный голос человека.
Длинный фронт — живая полоса
человечьих судеб и металла.
Сквозь твоих орудий голоса
слово невредимым пролетало.
И разноязыкий пестрый тыл,
зной в Ташкенте, в Шушенском — поземка.
И повсюду Сталин говорил,
медленно, спокойно и негромко.

Как бы мне надежнее сберечь
вечера того любую малость?
Как бы мне запомнить эту речь,
чтоб она в крови моей осталась?
Я запомню неотступный взгляд
вставшей в строй московской молодежи
и мешки арбатских баррикад —
это, в сущности, одно и то же.
Я запомню старого бойца,
ставшего задумчивей и строже,
и сухой огонь его лица —
это, в сущности, одно и то же.
Он сказал:
— Победа!
Будет так.
Я запомню, как мой город ожил,
сразу став и старше и моложе,
первый выстрел наших контратак —
это, в сущности, одно и то же.
Это полновесные слова
невесомым схвачены эфиром.
Это осажденная Москва
гордо разговаривает с миром.
Дети командиров и бойцов,
бурей разлученные с отцами,
будто голос собственных отцов,
этот голос слушали сердцами.
Жены, проводившие мужей,
не заплакавшие на прощанье,

в напряженной тишине своей
слушали его, как обещанье.
Грозный час.
Жестокая пора.
Севастополь. Ночь. Сапун-гора
тяжело забылась после боя.
Длинный гул осеннего прибоя.
Только вдруг взорвались рупора.
Это Сталин говорит с тобою.
Ленинград безлюдный и седой.
Кировская воля в твердом взгляде.
Встретившись лицом к лицу с бедой,
Ленинград не молит о пощаде.
Доживешь?
Дотерпишь?
Достоишь?
Достою, не сдамся!
Раскололась
чистая, отчетливая тишь,
и в нее ворвался тот же голос.
Между ленинградскими
домами о фанеру, мрамор и гранит
бился голос сильными крылами.
Это Сталин с нами говорит.
Предстоит еще страданий много,
но твоя отчизна победит.
Кто сказал:
«Воздушная тревога!»?
Мы спокойны — Сталин говорит.

Что такое радиоволна?
Это колебания эфира.
Это значит — речь его слышна
отовсюду, в разных точках мира.
Прижимают к уху эбонит
коммунисты в харьковском подполье.
Клонится березка в чистом поле...
Это Сталин с нами говорит.

Что такое радиоволна?
Я не очень это понимаю.

Прячется за облако луна.
Ты бежишь, кустарники ломая.
Все свершилось. Все совсем всерьез.
Ты волочишь хвороста вязанку.

Между расступившихся берез
ветер настигает партизанку.
И она, вступая в лунный круг,
ветром захлебнется на минуту.
Что со мною приключилось вдруг?
Мне легко и славно почему-то.

Что такое радиоволна?
Ветер то московский —
ты и рада.
И, внезапной радости полна,
Зоя добежала до отряда.

Как у нас в лесу сегодня сыро!
Как ни бейся, не горит костер.
Ветер пальцы тонкие простер.
Может быть, в нем та же дрожь эфира?
Только вдруг как вспыхнула береста!
Это кто сказал, что не разжечь?
Вот мы и согрелись!
Это просто
к нам домчалась сталинская речь.
Будет день большого торжества.
Как тебе ни трудно — верь в победу!

И летит осенняя листва
по ее невидимому следу.

***

За остановившейся рекою
партизаны жили на снегу.
Сами отрешившись от покоя,
не давали отдыха врагу.
Ко всему привыкнешь понемногу.
Жизнь прекрасна! Горе — не беда!
Разрушали, где могли, дорогу,
резали связные провода.
Начались декабрьские метели.
Дули беспощадные ветра.
Под открытым небом три недели,
греясь у недолгого костра,
спит отряд, и звезды над отрядом...
Как бы близко пуля ни была,
если даже смерть почти что рядом,
люди помнят про свои дела,
думают о том, что завтра будет,

что-то собираются решить.
Это правильно.
На то мы люди.
Это нас спасает, может быть.

И во мраке полночи вороньей
Зоя вспоминает в свой черед:
«Что там в Тимирязевском районе?
Как там мама без меня живет?
Хлеб, наверно, ей берет соседка.
Как у ней с дровами?
Холода!
Если дров не хватит, что тогда?»

А наутро донесла разведка,
что в селе Петрищеве стоят,
отдыхают вражеские части.
— Срок нам вышел, можно и назад.
Можно задержаться. В нашей власти.
— Три недели мы на холоду.
Отогреться бы маленько надо. —
Смотрит в землю командир отряда.
И сказала Зоя:
— Я пойду.
Я еще нисколько не устала.
Я еще успею отдохнуть.
Как она негаданно настала,
жданная минута.
Добрый путь!
Узкая ладошка холодна —
от мороза или от тревоги?
И уходит девочка одна
по своей безжалостной дороге.

* * *

Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра нечасты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
эта девочка в ватных штанах и треухе.
Значит, я ничего не боюсь и смогу
сделать все, что приказано...
Завтра не близко.
Догорает костер, разожженный в снегу,
и последний, дымок его стелется низко.
Погоди еще чуточку, не потухай.
Мне с тобой веселей. Я согрелась немного.

Над Петрищевом — три огневых петуха.
Там, наверное, шум, суета и тревога.
Это я подождла!
Это я!
Это я!
Все исполню, верна боевому приказу.
И сильнее противника воля моя,
и сама я невидима вражьему глазу.
Засмеяться?
Запеть?
Погоди, погоди!..
Вот когда я с ребятами встречусь, когда я...

Сердце весело прыгает в жаркой груди,
и счастливей колотится кровь молодая.

Ах, какая большая стоит тишина!
Приглушенные елочки к шороху чутки.

Как досадно, что я еще крыл лишена.
Я бы к маме слетала хоть на две минутки.

Мама, мама,
какой я была до сих пор?
Может быть, недостаточно мягкой и нежной?
Я другою вернусь.
Догорает костер.
Я одна остаюсь в этой полночи снежной.
Я вернусь,
я найду себе верных подруг,
стану сразу доверчивей и откровенней...

Тишина, тишина нарастает вокруг.
Ты сидишь, обхвативши руками колени.
Ты одна.
Ах, какая стоит тишина!..
Но не верь ей, прислушайся к ней, дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,
вся война,
до переднего края.
Ты услышишь все то, что не слышно врагу.
Под защитным крылом этой ночи вороньей
заскрипели полозья на крепком снегу,
тащат трудную тягу разумные кони.
Мимо сосенок четких и лунных берез,

через линию фронта, огонь и блокаду,
нагруженный продуктами красный обоз
осторожно и верно ползет к Ленинграду.
Люди, может быть, месяц в пути, и назад
не вернет их ни страх, ни железная сила.
Это наша тоска по тебе, Ленинград,
наша русская боль из немецкого тыла.
Чем мы можем тебе хоть немного помочь?
Мы пошлем тебе хлеба, и мяса, и сала.

Он стоит,
погруженный в осадную ночь,
этот город,
которого ты не видала.
Он стоит под обстрелом чужих батарей.
Рассказать тебе, как он на холоде дышит?
Про его матерей,
потерявших детей
и тащивших к спасенью чужих ребятишек.
Люди поняли цену того, что зовут
немудреным таинственным именем
жизни, и они исступленно ее берегут,
потому что — а вдруг? — пригодится Отчизне,
Это проще — усталое тело сложить,
никогда и не выйдя к переднему краю.
Слава тем, кто решил до победы дожить!
Понимаешь ли, Зоя?
— Я все понимаю.
Понимаю.
Я завтра проникну к врагу,
и меня не заметят,
не схватят,
не свяжут.
Ленинград, Ленинград!
Я тебе помогу.
Прикажи мне!
Я сделаю все, что прикажут...
И как будто в ответ тебе,
будто бы в лад
застучавшему сердцу услышь канонаду.
На высоких басах начинает Кронштадт,
и Малахов курган отвечает Кронштадту.
Проплывают больших облаков паруса
через тысячи верст человеческого горя.
Артиллерии русской гремят голоса

от Балтийского моря до Черного моря.

Севастополь.

Но как рассказать мне о нем?

На светящемся гребне девятого вала
он причалил к земле боевым кораблем,
этот город,

которого ты не видала.

Сходят на берег люди. Вдыхает вода.

Что такое геройство?

Я так и не знаю.

Севастополь...

Давай помолчим...

Но тогда,

понимаешь, он был еще жив.

— Понимаю!

Понимаю.

Я завтра пойду и зажгу

и конюшни и склады согласно приказу.

Севастополь, я завтра тебе помогу!

Я ловка и невидима вражьему глазу.

Ты невидима вражьему глазу.

А вдруг...

Как тогда?

Что тогда?

Ты готова на это?

Тишина, тишина нарастает вокруг.

Подымается девочка вместо ответа.

Далеко-далеко умирает боец...

Задыхается мать, исступленно рыдая,
страшной глыбой заваленный, стонет отец,
и сирот обнимает вдова молодая.

Тихо так, что ты все это слышишь в ту ночь,
потрясенной планеты взволнованный житель:

— Дорогие мои, я хочу вам помочь!

Я готова.

Я выдержу все.

Прикажите!

А кругом тишина, тишина, тишина...

И мороз,

не дрожит,

не слабеет,

не тает..,

И судьба твоя завтрашним днем решена.
И дыханья
и голоса
мне не хватает.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Вечер освещен сияньем снега.
Тропки завалило, занесло.
Запахами теплого ночлега
густо дышит русское село.

Путник, путник, поверни на запах,
в сказочном лесу не заблудись.
На таинственных еловых лапах
лунной бархомою снег повис.

Мы тебя, как гостя, повстречаем.
Место гостю красное дадим.
Мы тебя согреем крепким чаем,
молоком душистым напоим.

Посиди, подсолнушки полузгай.
Хорошо в избе в вечерний час!
Сердцу хорошо от ласки русской.
Что же ты сторонисься от нас?

Будто все, как прежде.
Пышет жаром
докрасна натопленная печь.
Но звучит за медным самоваром
непевучая, чужая речь.

Грязью перепачканы овчины.
Людям страшно, людям смерть грозит,
И тяжелым духом мертвечины
от гостей непрошенных разит.

Сторонись от их горючей злобы.
Обойди нас,
страшен наш ночлег.
Хоронись в лесах, в полях, в сугробах,
добрый путник, русский человек.

Что же ты идешь, сутуля плечи?
В сторону сворачивай скорей!
Было здесь селенье человечье,
а теперь здесь логово зверей.
Были мы радушны и богаты,
а теперь бедней худой земли.

В сумерки
немецкие солдаты
путника
к допросу привели.

* * *

Как собачий лай, чужая речь.
... Привели ее в избу большую.
Куртку ватную сорвали с плеч.
Старенькая бабка топит печь.
Пламя вырывается, бушует...
Сапоги с трудом стянули с ног.
Гимнастерку сняли, свитер сняли.
Всю, как есть,
от головы до ног,
всю обшарили и обыскали.
Малые ребята на печи притаились,
смотрят и не дышат.
Тише, тише, сердце, не стучи,
пусть враги тревоги не услышат.
Каменная оторопь — не страх.
Плечики остры, и руки тонки.
Ты осталась в стеганых штанах
и в домашней старенькой кофтенке.
И на ней мелькают там и тут
мамины заштопки и заплатки,
и родные запахи живут
в каждой сборочке и в каждой складке.
Все, чем ты дышала и росла,
вплоть до этой кофточки измятой,
ты с собою вместе принесла —
пусть глядят фашистские солдаты.
Постарался поудобней сесть
офицер,
бумаги вынимая.
Ты стоишь пред ним, какая есть, —
тоненькая,
русская,

прямая.
Это все не снится, все всерьез.
Вот оно надвинулось, родная.
Глухо начинается допрос.
— Отвечай!
— Я ничего не знаю. —
Вот и все.
Вот это мой конец.
Не конец. Еще придется круто.
Это все враги,
а я — боец.
Вот и наступила та минута.
— Отвечай, не то тебе капут! —
Он подходит к ней развалкой пьяной.
— Кто ты есть и как тебя зовут?
Отвечай!
— Меня зовут Татьяной.

* * *

(Можно мне признаться?
Почему-то
ты еще родней мне оттого,
что назвалась в страшную минуту
именем ребенка моего.
Тоненькая смуглая травинка,
нас с тобой разбило, разнесло.
Унесло тебя, моя кровинка,
в дальнее татарское село.
Как мне страшно!..
Только бы не хуже.
Как ты там, подруженька, живешь?
Мучаешь кота,
купаешь куклу в луже,
прыгаешь и песенки поешь.
Дождь шумит над вашими полями,
облака проходят над Москвой,
и гудит пространство между нами
всей моей беспомощной тоской.
Как же вышло так, что мы не вместе?
Длинным фронтом вытянулся бой.
Твой отец погиб на поле чести.
Мы одни на свете,
я — с тобой.
Почему же мы с тобою розно?

Чем же наша участь решена?
Дымен ветер,
небо дышит грозно,
требует ответа тишина.
Начинают дальние зенитки,
и перед мучителем своим
девочка молчит под страхом пытки,
называясь именем твоим.

Родина,
мне нет другой дороги.
Пусть пройдут, как пули, сквозь меня
все твои раненья и тревоги,
все порывы твоего огня!
Пусть во мне страданьем отзовется
каждая печаль твоя и боль.
Кровь моя твоим порывом бьется.
Дочка,
отпусти меня,
позволь.
Все, как есть, прости мне, дорогая.
Вырастешь, тогда поговорим.
Мне пора!
Горя и не сгорая,
терпит пытку девочка другая,
называясь именем твоим.)

***

Хозяйка детей увела в закут.
Пахнет капустой, скребутся мыши.
— Мама, за что они ее бьют?
— За правду, доченька. Тише, тише.
— Мама, глянь-ка в щелочку, глянь:
у нее сорочка в крови.
Мне страшно, мама, мне больно!..
— Тише, доченька, тише, тише...
— Мама, зачем она не кричит?
Она небось железная?
Живая бы давно закричала.
— Тише, доченька, тише, тише...
— Мама, а если ее убьют,
стадо быть, правду убили тоже?
— Тише, доченька, тише... —

Нет!
Девочка, слушай меня без дрожи.
Слушай,
тебе одиннадцать лет.

Если ни разу она не заплачет,
что бы ни делали изверги с ней,
если умрет,
но не сдастся —
значит,
правда ее даже смерти сильней.
Лучшими силами в человеке
я бы хотела тебе помочь,
чтобы запомнила ты навеки
эту кровавую, страшную ночь.
Чтобы чудесная Зоина сила,
как вдохновенье, тебя носила,
стала бы примесью крови твоей.
Чтобы, когда ты станешь большою,
сердцем горячим,
верной душою
ты показала, что помнишь о ней.

* * *

Неужели на свете бывает вода?
Может быть, ты ее не пила никогда
голубыми,
большими, как небо,
глотками?
Помнишь, как она сладко врывается в рот?
Ты толкаешь ее языком и губами,
и она тебе в самое сердце течет.
Воду пить...
Вспомни, как это было.
Постой!
Можно пить из стакана —
и вот он пустой.
Можно черпать ее загорелой рукою.
Можно к речке сбежать,
можно к луже припасть,
и глотать ее,
пить ее,
пить ее всласть.
Это сон,
это бред,

это счастье такое!
Воду пьешь, словно русскую песню поешь,
словно ветер глотаешь над лунной рекою.
Как бы славно, прохладно она потекла...
— Дайте пить... —
истомленная девушка просит,
Но горящую лампочку, без стекла,
к опаленным губам ее изверг подносит.
Эти детские губы,
сухие огни,
почерневшие, стиснутые упрямо.
Как недавно с усилием лепили они
очень трудное,
самое главное —
«мама».
Пели песенку,
чуть шевелились во сне,
раскрывались, взволнованы страшною сказкой,
перепачканы ягодами по весне,
выручали подругу удачной подсказкой.
Эти детские губы,
сухие огни,
своевольно очерчены женскою силой.
Не успели к другим прикоснуться они,
никому не сказали
«люблю»
или
«милый».
Кровяная запекшаяся печать.
Как они овладели святою наукой
не дрожать,
ненавидеть,
и грозно молчать,
и надменной сжиматься под смертною мукой.
Эти детские губы,
сухие огни,
воспаленно тоскующие по влаге,
без движенья,
без шороха
шепчут они,
как признание, слово бойцовой присяги.

* * *

Стала ты под пыткой Татьяной,
онемела, замерла без слез. Босиком,
в одной рубашке рваной
Зою выгоняли на мороз.
И своей летающей походкой
шла она под окриком врага.
Тень ее, очерченная четко,
падала на лунные снега:

Это было все на самом деле,
и она была одна, без нас.
Где мы были?
В комнате сидели?
Как могли дышать мы в этот час?
На одной земле,
под тем же светом,
по другую сторону черты?
Что-то есть чудовищное в этом.
— Зоя, это ты или не ты?
Снегом запорошенные прядки
коротко остриженных волос.
— Это я,
не бойтесь,
все в порядке.
Я молчала.
Кончился допрос.
Только б не упасть, ценой любой...
— Окрик:
— Рус! —
И ты идешь назад.
И опять глумится над тобою
гитлеровской армии солдат.
Русский воин,
юноша, одетый
в справедливую шинель бойца,
ты обязан помнить все приметы
этого звериного лица.
Ты его преследовать обязан,
как бы он ни отступал назад,
чтоб твоей рукою был наказан
гитлеровской армии солдат,
чтобы он припомнил, умирая,
на снегу кровавый Зоин след.

Но постой, постой, ведь я не знаю
всех его отличий и примет.
Малого, большого ль был он роста?
Черномазый,
рыжий ли?
Бог весть!
Я не знаю. Как же быть?
А просто.
Бей любого!
Это он и есть.
Встань над ним карающей грозой.
Твердо помни:
это он и был,
это он истерзанную Зою
по снегам Петрищева водил.
И покуда собственной рукою
ты его не свалишь наповал,
я хочу, чтоб счастья и покоя
воспаленным сердцем ты не знал.
Чтобы видел,
будто бы воочью,
русское село —
светло как днем.
Залит мир декабрьской лунной ночью,
пахнет ветер дымом и огнем.
И уже почти что над снегами,
легким телом устремись вперед,
девочка
последними шагами
босиком в бессмертие идет.

* * *

Коптящая лампа, остывшая печка.
Ты спишь или дремлешь, дружок?
... Какая-то ясная-ясная речка,
зеленый крутой бережок.

Приплыли к Марусеньке серые гуси,
большими крылами шумят...
Вода достает по колено Марусе,
но белые ноги горят...
Вы, гуси, летите, воды не мутите,
пускай вас домой отнесет...
От песенки детской до пытки немецкой
зеленая речка течет.

Ты в ясные воды ее загляделась,
но вдруг повалилась ничком.
Зеленая речка твоя загорелась,
и все загорелось кругом.

Идите скорее ко мне на подмогу!
Они поджигают меня.
Трубите тревогу, трубите тревогу!
Спасите меня от огня!

Допрос ли проходит?
Собаки ли лают?
Все сбилось и спуталось вдруг.
И кажется ей, будто села пылают,
деревни пылают вокруг,
Но в пламени этом шаги раздаются.
Гремят над землею шаги.
И падают наземь,
и в страхе сдаются,
и гибнут на месте враги.
Гремят барабаны, гремят барабаны,
труба о победе поет.
Идут партизаны, идут партизаны,
железное войско идет.

Сейчас это кончится.
Боль прекратится.
Недолго осталось терпеть.
Ты скоро увидишь любимые лица,
тебе не позволят сгореть.
И вся твоя улица,
вся твоя школа
к тебе на подмогу спешит...

Но это горят не окрестные села —
избитое тело горит.
Но то не шаги, не шаги раздаются —
стучат топоры у ворот.
Сосновые бревна стоят и не гнутся.
И вот он готов, эшафот.

* * *

Лица непроспавшиеся хмуры,
будто бы в золе или в пыли.
На рассвете из комендатуры
Зоину одежду принесли.

И старуха, ежась от тревоги,
кое-как скрывая дрожь руки,
на твои пылающие ноги
натянула старые чулки.
Светлым ветром память пробегала
по ее неяркому лицу:
как-то дочек замуж отдавала,
одевала бережно к венцу.
Жмурились от счастья и от страха,
прижимались к высохшей груди...
Свадебным чертогом встала плаха, —
голубица белая; гряди!

Нежили,
голубили,
растили,
а чужие провожают в путь,

— Как тебя родные окрестили?
Как тебя пред богом помянуть?

Девушка взглянула краем глаза,
повела ресницами верней...

Хриплый лай немецкого приказа —
офицер выходит из дверей.
Два солдата со скамьи привстали,
и, присев на хромоногий стул,
он спросил угрюмо:
— Где ваш Сталин?
Ты сказала:
— Сталин на посту.

Вдумайтесь, друзья, что это значит
для нее
в тот час,
в тот грозный год...
...Над землей рассвет еще плывет.
Дымы розовеют.
Это начат
новый день сражений и работ.
Управляясь с хитрыми станками,
в складке губ достойно скрыв печаль,
женщина домашними руками
вынимает новую деталь.
Семафоры,

рельсы,
полустанки,
скрип колес по мерзлому песку.
Бережно закутанные танки
едут на работу под Москву.
Просыпаются в далеком доме
дети, потерявшие родных.
Никого у них на свете, кроме
родины. Она согреет их.
Вымоет, по голове погладит,
валенки натянет, — пусть растут! —
молока нальет, за стол посадит.
Это значит — Сталин на посту,

Это значит:
вдоль по горизонту,
где садится солнце в облака,
по всему развернутому фронту
бой ведут советские войска.

Это значит:
до сердцебиенья,
до сухого жжения в груди
в черные недели отступленья
верить, что победа впереди.

Это значит:
наши самолеты
плавно набирают высоту.
Дымен ветер боя и работы.
Это значит — Сталин на посту.

Это значит:
вставши по приказу,
только бы не вскрикнуть при врагах, —
ты идешь,
не оступишь ни разу,
на почти обугленных ногах.

* * *

Как морозно!
Как светла дорога,
утренняя, как твоя судьба!
Поскорей бы!
Нет, еще немного!
Нет, еще не скоро...
От порога...
по тропинке...

до того столба...
Надо ведь еще дойти дотуда,
этот длинный путь еще прожить...
Может ведь еще случиться чудо.
Где-то я читала...
Может быть!..
Жить...
Потом не жить...
Что это значит?
Видеть день...
Потом не видеть дня...
Это как?
Зачем старуха плачет?
Кто ее обидел?
Жаль меня?
Почему ей жаль меня?
Не будет
ни земли,
ни боли...
Слово «жить»...
Будет свет,
и снег,
и эти люди.
Будет все, как есть.
Не может быть!
Если мимо виселицы прямо
все идти к востоку — там Москва.
Если очень громко крикнуть: «Мама!»
Люди смотрят.
Есть еще слова...
— Граждане,
не стойте,
не смотрите!
(Я живая, — голос мой звучит.)
Убивайте их, травите, жгите!
Я умру, но правда победит!
Родина! —
Слова звучат, как будто
это вовсе не в последний раз.
— Всех не перевешать,
много нас!
Миллионы нас!.. —
Еще минута
— и удар наотмашь между глаз.
Лучше бы скорей,

пускай уж сразу,
чтобы больше не коснулся враг.
И уже без всякого приказа
делает она последний шаг.
Смело подымаешься сама ты.
Шаг на ящик,
к смерти
и вперед.
Вкруг тебя немецкие солдаты,
русская деревня,
твой народ.
Вот оно!
Морозно, снежно, мглисто.
Розовые дымы... Блеск дорог...
Родина!
Тупой сапог фашиста
выбивает ящик из-под ног.

* * *

(Жги меня, страдание чужое,
стань родною мукою моей.
Мне хотелось написать о Зое
так, чтоб задохнуться вместе с ней.
Мне хотелось написать про Зою,
чтобы Зоя начала дышать,
чтобы стала каменной и злою
русская прославленная мать.
Чтоб она не просто погрустила,
уронив слезинку на ладонь.
Ненависть — не слово,
это — сила,
бьющий безошибочно огонь.
Чтобы эта девочка чужая
стала дочкой тысяч матерей.
Помните о Зое, провожая
в путь к победе собственных детей.

Мне хотелось написать про Зою,
чтобы той, которая прочтет,
показалось: тропкой снеговой
в тыл врага сама она идет.
Под шинелью спрятаны гранаты.
Ей дано заданье.
Все всерьез.
Может быть, немецкие солдаты

ей готовят пытку и допрос?
Чтоб она у совести спросила,
сможет ли,
и поняла:
«Смогу!»
Зоя о пощаде не просила.
Ненависть — не слово, это — сила,
гордость и презрение к врагу.
Ты, который встал на поле чести,
русский воин,
где бы ты ни был,
пожалей о ней, как о невесте,
как о той, которую любил.
Но не только смутною слезою
пусть затмится твой солдатский взгляд.
Мне хотелось написать про Зою так,
чтоб ты не знал пути назад.
Потому что вся ее отвага,
устремленный в будущее взгляд, —
шаг к победе,
может быть, полшага,
но вперед,
вперед, а не назад.
Шаг к победе —
это очень много.
Оглянись, подумай в свой черед
и ответь обдуманно и строго,
сделал ли ты этот шаг вперед?

Близкие,
товарищи,
соседи,
все, кого проверила война,
если б каждый сделал шаг к победе,
как бы к нам приблизилась она!
Нет пути назад!
Вставай грозною.
Что бы ты ни делал, ты — в бою.

Мне хотелось написать про Зою,
будто бы про родину свою.
Вся в цветах, обрызганных росой,
в ярких бликах утренних лучей...
Мне хотелось написать про Зою
так, чтоб задохнуться вместе с ней.

Но когда в петле ты задыхалась,
я веревку с горла сорвала.
Может, я затем жива осталась
чтобы ты в стихах не умерла.)

* * *

Навсегда сохрани фотографию Зои.
Я, наверно, вовеки ее позабыть не смогу.
Это девичье тело,
не мертвое
и не живое.

Это Зоя из мрамора
тихо лежит на снегу.
Беспощадной петлей перерезана тонкая шея.
Незнакомая власть в запрокинутом лике твоём.
Так любимого ждут,
сокровенной красой хорошея,
изнутри озаряясь таинственным женским огнем.
Только ты не дождалась его, снеговая невеста.
Он — в солдатской шинели,
на запад лежит его путь,
может быть, недалеко от этого страшного места,
где ложились снежинки на строгую девичью грудь.
Вечной силы и слабости неповторимо единство.
Ты совсем холодна, а меня прожигает тоска.
Не ворвалось в тебя, — не вскипело в тебе материнство,
теплый ротик ребенка не тронул сухого соска.
Ты лежишь на снегу.
О, как много за нас отдала ты,
чтобы гордо откинуться чистым, прекрасным лицом!
За доспехи героя,
за тяжелые ржавые латы,
за святое блаженство быть храбрым бойцом.
Стань же нашей любимицей,
символом правды и силы,
чтоб была наша верность, как гибель твоя, высока.
Мимо твоей занесенной снегами могилы —
на запад, на запад! —
идут,
присягая,
войска.

ЭПИЛОГ

Когда страна узнала о войне,
в тот первый день,
в сумятице и бреде,
я помню, я подумала о дне,
когда страна узнает о победе.
Каким он будет, день великий тот?
Конечно, солнце!
Неприменно лето!
И наш любимый город зацветет
цветами электрического света.
И столько самолетов над Москвой,
и город так волнующе чудесен,
и мы пойдем раздвинутой Тверской
среди цветов, и музыки, и песен.
Смеемся и торжествуя, мы пойдем,
сплетая руки в тесные объятия.
Все вместе мы!
Вернулись в каждый дом
мужья и сыновья, отцы и братья.
Война окончена!
Фашизма в мире нет!
Давайте петь и ликовать, как дети!
И первый год прошел,
как день,
как десять лет,
как несколько мгновений,
как столетье.
Год отступлений, крови и утрат.
Потерь не счесть,
страданий не измерить.
Припомни все и оглянись назад —
и разум твой откажется поверить.
Как многих нет,
и не сыскать могил,
и памятников славы не поставить.
Но мы живем, и нам хватило сил.
Всех сил своих мы не могли представить.
Выходит, мы сильнее самих себя,
сильнее камня и сильнее стали.
Всей кровью ненавдя и любя,
мы вынесли,
дожили,
достояли.

Мы стоим!
Он прожит, этот год.
Мы выросли, из нас иные седы.
Но это все пустое!
Он придет,
он будет,
он наступит,
День Победы!
Пока мы можем мыслить, говорить
и подыматься по команде: «К бою!»,
пока мы дышим и желаем жить,
мы видим этот день перед собою.
Она взойдет, усталая заря,
согретая дыханием горячим,
живого кровью над землей горя
всех тех, о ком мы помним и не плачем.
Не можем плакать.
Слишком едок дым,
и солнце светит слишком редким светом.
Он будет, этот день,
но не таким,
каким он представлялся первым летом.
Пускай наступит в мире тишина.
Без пышных фраз,
без грома,
без парада
судьба земли сегодня решена.
Не надо песен.
Ничего не надо.
Снять сапоги и ноги отогреть,
поеть, умыться и поспать по чести...
Но мы не сможем дома усидеть,
и все-таки мы соберемся вместе,
и все-таки, конечно, мы споем
ту тихую,
ту русскую,
ту нашу.
И встанем и в молчанье разопьем
во славу павших дружескую чашу.
За этот день отдали жизнь они.
И мы срываем затемнение с окон.
Пусть загорятся чистые огни
во славу павших в воздухе высоком.
Смесь и плача, мы пойдем гулять,

не выбирая улиц,
как попало,
и незнакомых будем обнимать затем,
что мы знакомых встретим мало.

Мой милый друг, мой сверстник, мой сосед!
Нам этот день — за многое награда.
Война окончена. Фашизма в мире нет.
Во славу павших радоваться надо.
Пусть будет солнце,
пусть цветет сирень,
пусть за полночь затянутся беседы...
Но вот настанет следующий день,
тот первый будний день за праздником Победы.
Стук молотов, моторов и сердец...
И к творчеству вернувшийся художник
вдохнет глубоко и возьмет резец.
Резец не дрогнет в пальцах осторожных.
Он убивал врагов,
он был бойцом,
держал винтовку сильными руками.
Что хочет он сказать своим резцом?
Зачем он выбрал самый трудный камень?
Он бросил дом, работу и покой,
он бился вместе с тысячами тысяч
затем, чтоб возмужавшею рукой
лицо победы из гранита высечь.
В какие дали заглядишься ты,
еще неведомый,
уже великий?
Но мы узнаем Зоины черты
в откинutom,
чудесном,
вечном лике.

Борис Алексеевич Костров

***

Пусть враг коварен — это не беда...
Пусть враг коварен — это не беда.
Преград не знает русская пехота.
Блестят штыки, грохочут поезда,
К победе рвутся вымпелы Балтфлота.

А в небе, сделав круг и высоту
Набрав, вступают в бой орлы. И сразу
Мы слышим сердца учащенный стук,
Но действуем спокойно, по приказу.

Мы знаем все, что нет таких врагов,
Чтоб волю русских преклонить и скомкать.
Мы — это мы. Да будет наша кровь
Такой же чистой и в сердцах потомков!

1941

У МОГИЛЫ БОЙЦОВ

Отдав салют, товарищей останки
Торжественно мы предали земле,
И по команде боевые танки
Пошли вперед к сверкающей заре.

И я подумал вслух: не на чужбине —
Под сенью звезд далеких и родных
Друзья лежат... Когда-нибудь долине
Присвоят имя одного из них.

1941

В РАЗВЕДКЕ

Во фляге — лед. Сухой паек.
Винтовка, пять гранат.
И пули к нам наискосок
Со всех сторон летят.

Быть может, миг —
И тронет сердце
Смерть.
Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.

Я говорю, что это бред!
Мы всех переживем,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы взойдем!

А то, что день и ночь — в бою,
Так это не беда.
Ведь мы за Родину свою
Стоим горой всегда!

Винтовка, пять гранат, пурга.
Рвет флягу синий лед.
Непроходимые снега,
Но путь один — вперед!

1942

***

Солдатское солнышко — месяц...
Солдатское солнышко — месяц,
Осенняя черная ночь...
Довольно. Подохнешь без песен,
Не нам воду в ступе толочь.

Любовь стала проще и строже,
И ненависть трижды сильнее.
За тех, кто до этого дожил,
Как пили отцы наши, — пей!

Нелегок наш путь, не изведан,
Но кто, мне скажите, когда
Сказал, что приходит победа
В терновом венке без труда?

Нам жить — не тужить! Но без песен
Душа ни к чему не лежит.
Солдатское солнышко — месяц
Над нашей землянкой горит.

1945

Елена Ширман

ПИСЬМО ДЕВУШКИ-ДОНОРА

Прости, не знаю, как тебя зовут,
Мой друг далекий, раненый боец.
Пишу тебе от множества сердец,
Что в лад с тобою бьются и живут.

Ты видишь?
Вся огромная страна
Склонилась, как заботливая мать;
Чтобы тебя от смерти отстоять,
Ни днем, ни ночью не уснет она.

Ты слышишь?
Весь бесчисленный народ
Единой грудью за тебя встает,
Чтоб сделать наши нивы и луга
Могилой для проклятого врага:

Мой друг далекий, ты меня прости,
Коль нужных слов я не смогла найти, —
Ты кровь пролил за родину в бою:
Мой кровный брат, прими же кровь мою!

1941

Николай Петрович Майоров

***

Когда к ногам подходит стужа пыткой,
В глазах блеснет морозное стекло,
Как будто вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.

А между тем всё жизненно и просто,
И в память входит славой на века
Тяжелых танков каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.

1941

***

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыжку и приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

1941

Ольга Берггольц

В ГОСПИТАЛЕ

Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей взывал,
он звал, тоскуя: — Мама, где ты, где ты? —
Искал ее, обшаривая тьму...
И юная дружинница склонилась
и крикнула — сквозь бред и смерть — ему:
— Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом, милый! —

И он в склоненной мать свою узнал.
Он зашептал, одолевая муку:
— Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку. —
И снова наклоняется она,
исполненная правдой и любовью.
— Я здесь, — кричит, — я здесь, твоя жена,
у твоего родного изголовья.
Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитником отчизны.

Мы все пришли, чтобы тебя поднять,
вернуть себе, отечеству и жизни. —
Ты веришь, воин. Отступая, бред
сменяется отрадою покоя.
Ты будешь жить. Чужих и дальних нет,
покуда сердце женское с тобою.

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
не найдешь такого уголка,
где бы не любили, где б не знали
ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
о которой гимном говорят.

А младший сын со мною рядом,
ему семнадцать лет всего,
но на защиту Ленинграда
я отдаю теперь его.
Иди, мой младший, мой любимый,
зови с собой своих друзей.
Да не падет на дом родимый
бесчестье плена и плетей!
Нет, мы не встанем на колени!
Не опозорить, не попрасть
тот город, где Владимир Ленин
учил терпеть и побеждать.
Нет, осиянный ратной славой,
великий город победит,
мстя за Париж, и за Варшаву,
и за твою судьбу, Мадрид.
...На бранный труд, на бой, на муки,
во имя права своего,
уходит сын, целуя руки,
благословившие его.

И, хищникам пророча горе,
гранаты трогая кольцо, —
у городских ворот в дозоре
седая мать троих бойцов.

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя, москвичка!
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной переключке
слышишь ли далекий голос мой?

Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
говорила старшая сестра. —
...Старый дом на Палевском, за Невской,
низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
школа, елка, пионеротряд...
Вечер, клены, мандолины струны
с соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это наша юность,
комсомол и первая любовь.

А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
прямо в город, прямо в нашу жизнь.
Пленом и позором угрожают,
кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
смертно ненавидя и скорбя,
я со всеми вместе присягаю
и даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
первым разоренным очагам:
не сломлюсь, не дрогну, не устану,
ни крупицы не прощу врагам.
Нет! По жизни и по Ленинграду
полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом полисаде
лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
по зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
вспомним эти горестные дни
и услышим говор мандолины,
и увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится, —
так сказала старшая сестра.

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— «Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия
Стой же и мужайся, как она!

ВТОРОЙ РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна,
соседка,
здравствуй.

Вот мы встретились с тобой опять.
В дни весны желанной ленинградской
надо снова нам потолковать.

Тихо-тихо. Небо золотое.
В этой долгожданной тишине
мы пройдем по Невскому с тобою,
по былой «опасной стороне».

Как истерзаны повсюду стены!
Бельма в каждом выбитом окне.
Это мы тут прожили без смены
целых девятьсот ночей и дней.

Мы с тобою танков не взрывали.
Мы в чаду обыденных забот
безымянные высоты брали, —
но на карте нет таких высот.

Где помечена твоя крутая
лестница, ведущая домой,
по которой, с голоду шатаясь,
ты ходила с ведрами зимой?

Где помечена твоя дорога,
по которой десять раз прошла
и сама — в пургу, в мороз, в тревогу
пятерых на кладбище свезла?

Только мы с тобою, мы, соседка,
помним наши тяжкие пути.
Сами знаем, в картах или в сводках
их не перечислить, не найти.

БАЛЛАДА О МЛАДШЕМ БРАТЕ

Его ввели в германский штаб,
и офицер кричал:
— Где старший брат? Твой старший брат!
Ты знаешь — отвечай!

А он любил ловить щеглят,
свистать и петь любил,
и знал, что пленники молчат, —
так брат его учил.

Сгорел дотла родимый дом,
в лесах с отрядом брат.
— Живи, — сказал, — а мы придем,
мы все вернем назад.

Живи, щегленок, не скучай,
пробьет победный срок...
По этой тропочке таскай
с картошкой котелок.

В свинцовых пальцах палача
безжалостны ножи.
Его терзают и кричат:
— Где старший брат? Скажи!

Молчать — нет сил. Но говорить —
нельзя... И что сказать?
И гнев бессмертный озарил
мальчишечьи глаза.
— Да, я скажу, где старший брат.
Он тут, и там, и здесь.
Везде, где вас, врагов, громят,
мой старший брат — везде.
Да, у него огромный рост,
рука его сильна.
Он достает рукой до звезд
и до морского дна.
Он водит в небе самолет,
на крыльях — по звезде,
из корабельных пушек бьет
и вражий танк гранатой рвет...
Мой брат везде, везде.
Его глаза горят во мгле
всевидящим огнем.
Когда идет он по земле,

Он шел на фронт, мучительно палим
стыдом отца, мужчины и солдата:
огромный город умирал за ним
в седых лучах январского заката.
Он шел на фронт, одолевая бред,
все время помня — нет, не помня — зная,
что женщина глядит ему вослед,
благодаря его, не укоряя.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
что слишком тяжелеет автомат,
добрел до фронта и пополз в засаду
на истребление вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь — почему
нет Армии на всей земле любимей,
нет преданней ее народу своему,
великодушной и непобедимей!

СТАЛИНГРАДУ

Мы засыпали с думой о тебе.
Мы на заре включали репродуктор,
чтобы услышать о твоей судьбе.
Тобою начиналось наше утро.

В заботах дня десятки раз подряд,
сжимая зубы, затаив дыханье,
твердили мы:
— Мужайся, Сталинград! —
Сквозь наше сердце шло твое страданье.
Сквозь нашу кровь струился горячо
поток твоих немислимых пожаров.
Нам так хотелось стать к плечу плечом
и на себя принять хоть часть ударов!

...А мне все время вспоминалась ночь
в одном колхозе дальнем, небогатом,
ночь перед первой вспашкою, в тридцатом,
вторую большевистскою весной.
Степенно, важно, радостно и строго
готовились колхозники к утру,
с мечтой о новой жизни,
новом строе,
с глубокой верой
в новый, общий труд.
Их новизна безмерная, тревожа,

еще страшила...

Но твердил народ:

— Нам Сталинградский тракторный поможет...

— Нам Сталинград коней своих пришлет.

Нет, не на стены зданий и заводов,
проклятый враг, заносишь руку ты:
ты покусился на любовь народа,
ты замахнулся на оплот мечты!
И встала, встала пахарей громада,
как воины они сюда пришли,
чтобы с рабочим классом Сталинграда
спасти любимца трудовой земли.

О том, что было страшным этим летом, —
еще расскажут: песня ждет певца.

У нас в осаде, за чертой кольца,
все озарялось сталинградским светом.

И, глядя на развалины твои
(о, эти снимки в «Правде» и в «Известьях»!),
мы забывали тяготы свои,
мы об одном молили: — Мести, мести!

И пробил час. Удар обрушен первый,
от Сталинграда пятится злодей.
И ахнул мир, узнав, что значит верность,
что значит ярость верящих людей.
А мы не удивились, нет! Мы знали,
что будет так: полмесяца назад
не зря солдатской клятвой обменялись
два брата: Сталинград и Ленинград.
Прекрасна и сурова наша радость.
О Сталинград,
в час гнева твоего
прими земной поклон от Ленинграда,
от воинства и гражданства его!

ЗНАМЯ

А. Н. Фоминой

...Товарищ, мы сами, мы сами
пойдем не теперь, погода,
как было, как вышло, что знамя
оставили мы, отходя.

Но ты не вини виноватых, —

недаром народ нас простил:
едва ли остался десятый
из тех, кто тогда отходил.

И там, где германские танки
прошли, раскалясь добела,
пробитое знамя крестьянка
на мертвом сержанте нашла...
...Ее донимали заботы,
голодные дети в дому,
и немец гонял на работы,
и шла, не переча ему.
И целых два года — два года! —
постыдная бирка и кнут
твердили: — Не будет свободы,
твой за тобой не придут.
Ты ждешь их напрасно и долго,
не верь им, не жди, не зови.
Полотнище красного шелка
сегодня же ночью порви.
И так уж проклятая участь
досталась на долю твою.
Узнают — отыщут, замучат,
детей неповинных убьют...
Но страха и лжи не послушав,
во мраке немецкого зла,
как память о свете, как душу,
то знамя она берегла.
И если давила усталость,
к земле пригибало тоской,
вставала ночами — касалась
заветного свертка рукой.
Под ветошью бедной и серой,
на нищенском дне сундука
хранилась народная вера —
походное знамя полка.
Она разбирала укладку,
тряхнув, расправляла атлас, —
чтоб он не слежался на складках,
чтоб цвет огневой не погас.
Чуть скрипнет порой половица,
а немец за стенкой кричит:
— Зачем ты вставала?

— Молиться!

Я богу молилась — молчи...

Иосиф Павлович Уткин

***

Если будешь ранен, милый, на войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.

Это будет теплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит, нет!

Может быть, изменишь, встретишься с другой —
И об этом пишут в письмах, дорогой!

Напиши... Отвечу...
Ну, не в тот же вечер...
Только будь уверен, что ответ придет:
Мол, и эта рана,
Поздно или рано,
Погрущу, поплачу... все-таки пройдет.

Но в письме не вздумай заикнуться мне
О другой измене — клятве на войне.
Ни в какой я вечер
Трусу не отвечу.
У меня для труса есть один ответ:
Все проходят раны
Поздно или рано,
Но презренья к трусу не проходит, нет!

1941

ПЕТЛИЦЫ

Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою нашить?

Может быть, вдали, в разлуке,
Невзначай взглянув на них,
Я с волнением вспомню руки,
Нашивавшие мне их.

Сердцу станет так приятно!
...А когда война пройдет,
А когда меня обратно
К вам победа приведет,

Может быть, тогда, сестрица,
Уцелевшие в огне
Эти скромные петлицы
Вам напомнят обо мне...

06.07.1941

***

Я видел девочку убитую...
Я видел девочку убитую,
Цветы стояли у стола.
С глазами, навсегда закрытыми,
Казалось, девочка спала.

И сон ее, казалось, тонок,
И вся она напряжена,
Как будто что-то ждал ребенок...
Спроси, чего ждала она?

Она ждала, товарищ, вести,
Тобою вырванной в бою, —
О страшной, беспощадной мести
За смерть невинную свою!

08.07.1941

В САНБАТЕ

На носилках из шинели
Одиноко мне и жутко.
Изумленно шепчут ели:
«Неужели это Уткин?!»

Гимнастерки не по росту
Надо мной глаза склонили...
Удивленно смотрят сестры:
«Уткин, милый... Это вы ли?!»

И опять шинель — как лодка.
Я плыву куда-то... это
Сестры грустные в пилотках
На руках несут поэта!

И от слез теплее глазу.
И тоска меня минует:
Сколько рук прекрасных сразу
За одну найти, больную.

16.09.1941, полевой госпиталь

***

Если я не вернусь, дорогая...
Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с Родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

Но вернусь... И на письма отвечу.
Нет, я верю — не дуб в полумгле,
Не разлука, а нежная встреча
Сильных ждет на родимой земле.

1942

ИЗ ПИСЬМА

*...Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Н. А. Некрасов*

Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.

Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
...Он мертв уже. Ему не больно,
А их еще... письмом убьют!

Июль – август 1942 г., Брянский фронт

ЗАТИШЬЕ

*Он душу младую в объятиях нес...
М. Лермонтов*

Над землянкой в синей бездне
И покой, и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

1943

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, —
Боль сразу стала не такую:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1943

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг,
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой,
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!

1943

ТОПОЛЯ КИЕВА

Бывало, скажут: Киев —
Пойдут сады, поля.
И встанут — вот такие! —
Гвардейцы-тополя.

Теперь же Киев древний
Без тополей вокруг! ...
Казненные деревья
Лежат в пыли без рук.

На мостовых обрывки
Старинных русских книг,
На улицах обрывки
Немецких фраз и крик.

А улицы глухие —
Хоть до утра кричи.
И это — город Киев...
Ну, ладно ж, палачи!

1943

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ

Послушай меня: я оттуда приехал,
Где, кажется, люди тверды, как гранит,
Где гневной России громовое эхо,
Вперед продвигаясь, над миром гремит.

Где слева — окопы, а справа — болота,
Где люди в соседстве воды и гранат
Короткие письма и скромные фото,
Как копии счастья, в планшетах хранят.

Здесь громкие речи, товарищ, не в моде,
Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди заводят —
Бывает — у смерти самой на виду!

И если тебя у костра попросили
Прочсть, как здесь принято, что-то свое —
Прочти им, без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам ее,

Как любят их дети, как помнят их жены...
И станут тебе моментально слышны
И снег, и деревья — весь слух напряженный
Овеянной стужей лесной тишины.

И как бы при звуках родной им трехрядки,
Словам твоей правды поверив не вдруг,
Веселый огонь молодой переглядки,
Искрясь, облетит их внимательный круг.

И кто-то дровец, оживляясь, подбросит,
И кто-то смущенно оправит ружье,
И кто-то любимую песню запросит,
И кто-то тотчас же затянет ее...

В холодных порядках серебряной чащи
Осыплется пепел с верхушек седых:
Как будто простое солдатское счастье
Горячим дыханьем коснется и их.

А русская песня, что с кривдой не в мире,
Пойдет между тем замирать на лету,
Потом, разрастаясь все шире и шире,
Как храбрый разведчик, уйдет в темноту.

Январь 1944 г.

Демьян Бедный

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой.
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он Родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

Евгений Аронович Долматовский

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр-отец река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

УКРАИНЕ МОЕЙ

Украина, Украина, Украйна,
Дорогая моя!
Ты разграблена, ты украдена,
Не слышать соловья.

Я увидел тебя распятою
На немецком штыке
И прошел равниной покатою,
Как слеза по щеке.

В торбе путника столько горести,
Нелегко пронести.
Даже землю озябшей горстью я
Забирал по пути.

И леса твои, и поля твои —
Все забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвой —
Снова вырваться в бой.

Ты лечила мне раны ласково,
Укрывала, когда,
Гусеничную сталью лязгая,
Подступала беда.

Все ж я вырвался, вышел с запада
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный легким запахом
Твоего молока.

Жди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщения,
Как любовь, дорога.

Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Вижу — конница входит в Винницу,
В Киев танки идут.

Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так!

ОЛЕНЬ

Июль зеленый и цветущий.
На отдых танки стали в тень.
Из древней Беловежской пущи
Выходит золотой олень.
Короною рогов ветвистых
С ветвей сбивает он росу
И робко смотрит на танкистов,
Расположившихся в лесу.
Молчат угрюмые солдаты,
Весь мир выдавшие в огне.
Заряженные автоматы
Лежат на танковой броне.
Олений взгляд, прямой и юный,
Как бы навеки удивлен,

Ногами тонкими, как струны,
Легко перебирает он.
Потом уходит в лес обратно,
Спокоен, тих и величав,
На шкуре солнечные пятна
С листвой пятнистою смешав.

МОГИЛА ГЁТЕ

Я знаю, так случится: на рассвете
В немецкий дряхлый город мы войдем,
Покрытый черепицею столетней
И косо заштрихованный дождем.
Проедем на гвардейском миномете,
Как под крылом, по улицам пустым.
«Здесь, в этом городе, могила Гете», —
Полковник скажет мальчишкам своим.

Сойдут гвардейцы Пушкинской бригады
С овеянных легендою машин
И встанут у кладбищенской ограды,
И слова не проронит ни один.
И только вспомнят Пушкинские горы,
Тригорского священные места,
Великую могилу, на которой
Прикладами расколота плита.

Весь город в танковом могучем гуле...
Плывет рассвет.
На лужах дождь кипит.
Стоят гвардейцы молча в карауле
У камня, под которым Гете спит.

Илья Львович Сельвинский

ПОЭЗИЯ

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести.

Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь.

Зачем же нужно так и эдак
В строке переставлять слова?
Ведь не затем, чтоб напоследок
Чуть-чуть кружилась голова?

Нет! Горизонты не такие
В глубинах слова я постиг:
Свободы грозная стихия
Из муки выплеснула стих!

Вот почему он жил в народе.
И он вовеки не умрет
До той поры, пока в природе
Людской не прекратится род.

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу нужен,
Когда и дышит вместе с ним!

Он шел с толпой на баррикады.
Его сослали, как борца.
Он звал рабочие бригады
На штурмы Зимнего дворца.

И вновь над ним шумят знамена —
И, вырастая под огнем,
Он окликает поименно
Бойцов, тоскующих о нем.

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей в себя других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пуускай им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны
И ходит
в жилах
мощь
поэта,
Неся дыхание волны...

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.

Вот тут дорога. А там вон — взгорье.
Меж нами
вот этак —
ров.

Из этого рва поднимается горе.
Горе без берегов.

Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.

Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопухий Колька —
Ему одиннадцать лет.

Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов
Ближние станции, ближние села —
Все заложников выслали в ров.

Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвеце заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,

И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Он совсем налегке.
Грудь распахнута из протеста.
Одна нога в худом сапоге,
Другая сияет лаком протеза.
Легкий снежок валит и валит...
Грудь распахнул молодой инвалид.
Он, видимо, крикнул: «Стреляйте, черти!»
Поперхнулся. Упал. Застыл.
Но часовым над лежбищем смерти
Торчит воткнутый в землю костыль.
И ярость мертвого не застыла:
Она фронтовых окликает из тыла,
Она водрузила костыль, как древко,
И веха ее видна далеко.

Бабка. Эта погибла стоя,
Встала из трупов и так умерла.
Лицо ее, славное и простое,
Черная судорога свела.
Ветер колышет ее отрепье...
В левой орбите застыл сургуч,
Но правое око глубоко в небе
    Между разрывами туч.
И в этом упреке Деве Пречистой
Рушенье веры десятков лет:
«Коли на свете живут фашисты,
    Стало быть, бога нет».

Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребенок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне...
Матери сердцу не изменили:
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:
Невластны теперь над ними враги —
И рыжая струйка

из детского уха
Стекает
в горсть
материнской
руки.

Как страшно об этом писать. Как жутко.

Но надо. Надо! Пиши!

Фашизму теперь не отделаться шуткой:
Ты вымерил низость фашистской души,
Ты осознал во всей ее фальши
«Сентиментальность» пруссацких грез,
Так пусть же
сквозь их
голубые
вальсы
Торчит материнская эта горсть.

Иди ж! Заклейми! Ты стоишь перед бойней,

Ты за руку их поймал — уличи!

Ты видишь, как пулею бронебойной

Дробили нас палачи,

Так загреми же, как Дант, как Овидий,

Пусть зарыдает природа сама,

Если

все это

сам ты

видел

И не сошел с ума.

Но молча стою я над страшной могилой.

Что слова? Истлели слова.

Было время — писал я о милой,

О щелканье соловья.

Казалось бы, что в этой теме такого?

Правда? А между тем

Попробуй найти настоящее слово

Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы, как луки,

Но строчки... глуше вареных вязиг.

Нет, товарищи: этой муки

Не выразит язык.

Он слишком привычен, поэтому бледен.
Слишком изящен, поэтому скуп,
К неумолимой грамматике сведен
Каждый крик, слетающий с губ.

Здесь нужно бы... Нужно созвать бы вече,
Из всех племен от древка до древка
И взять от каждого все человечье,
Все, прорвавшееся сквозь века, —
Вопли, хрипы, вздохи и стоны,
Эхо нашествий, погромов, резни...
Не это ль
наречье
муки бездонной
Словам искомым сродни?

Но есть у нас и такая речь,
Которая всяких слов горячее:
Врагов осыпает проклятьем картечь.
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
От вашей кровавой могилы.

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травую взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.
Семиты... Славяне...
Да! Об этом нельзя словами.
Огнем! Только огнем!

РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна, —
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордись тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Станухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра.

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья.

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской хваткой.
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычную неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясину,
И ныне воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

Семён Петрович Гудзенко

ТОВАРИЩИ

*Бойцы из отряда Баженова прошли
по тылам 120 км, неся раненого.*

Можно вспомнить сейчас,
отдышавшись и успокоясь.
Не орут на дорогах немецкие патрули.
По лесам непролазным
и в озерах студеных по пояс
мы товарища раненого несли.
Он был ранен в бою,
на изрытом снарядами тракте...
Мы несли его ночью,
дневали в лесу.
Он лежал на траве,
не просил: «Пристрелите.
Оставьте».
Он был твердо уверен —
друзья донесут.
Стиснув зубы до боли,
бинтовали кровавые раны.
Как забыть этот путь!
Он был так безысходно далек.
Голодали упрямо,
но каждый в глубоких карманах
для него
почерневший сахар берег.
Мы по рекам прошли,
по нехоженным топким болотам.
Мы пробились к своим
и спасли драгоценную жизнь.
Это в битвах рожденный,
пропитанный кровью и
потом,
самый истинный,
самый русский
гуманизм.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним
идет охота.
Будь проклят
сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

ПОДРЫВНИК

К рассвету точки засекут,
а днем начнется наступленье.
Но есть стратегия секунд,
и есть секундные сраженья.
И то,
что может сделать он
и тол
(пятнадцать килограммов),

не в силах целый батальон,
пусть даже смелых
и упрямых.
Он в риске понимает толк.
Уверенно,
с лихим упорством
вступает он в единоборство
с полком.
И разбивает полк.
И рассыпаются мосты.
И падают в густые травы,
обламывая кусты,
на фронт идущие составы.

И в рельсах, согнутых улиткой,
Отражена его улыбка.

САПЁР

Всю ночь по ледяному насту,
по черным полыньям реки
шли за сапером коренастым
обозы,
танки
и полки.

Их вел на запад
по просекам
простой, спокойный человек.
Прищурившись, смотрел на снег
и мины находил под снегом.
Он шел всю ночь.
Вставал из лога
рассвет в пороховом дыму.
Настанет мир.
На всех дорогах
поставят памятник ему.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.

Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты —
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.

Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.

У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.

...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.

Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.

Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло — чистоту
сына
трудного века.

Михаил Васильевич Исаковский

***

Мы шли молчаливой толпою, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели над нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуяв войну, —
Видать, и ему неохота
Остаться в фашистском плену.

Мы шли... В узелки завязали
По горстке родимой земли,
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самую лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей.

Пусть ворон — зловещая птица —
Клюет людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горячая наша слеза.

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет,
Пусть ищет насильник спасенья,
И пусть он его не найдет

И страшною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти...

Мы верили — суд совершится.
И легче нам было идти.

ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ

Посвящается Н-скому заводу

Сегодня, на празднике людном,
Мы с вами припомним, друзья,
Как двигалась в путь многотрудный
Рабочая наша семья;

Как смертью враги нам грозили,
Как шли в Подмосковье бои,
Как мы под бомбежкой грузили
Станки заводские свои;

Как, сидя в теплушках на сене,
Глядели мы в сумрак ночной,
Как где-то в тумане осеннем
Остался наш город родной...

Припомним, друзья и подруги,
Расскажем без всяких прикрас,
Какие свирепые вьюги
На пристани встретили нас;

Как в старой нетопленной школе
Мы жили у мертвой реки,
Как сердце сжималось от боли,
Что снег заметает станки,

Что к ним не придут пароходы
Ни с этой, ни с той стороны,
Что дальше нам не было ходу,
Быть может, до самой весны...

Припомним, друзья и подруги,
Как ночи и дни напролет
По той незнакомой округе
Искали мы с вами подвод;

Как тяжело тащили на сани
Железную грузную кладь, —
Тащили и падали сами
И, вставши, тащили опять;

Как вдаль — по полям, по откосам,
По длинной дороге степной —
Пошли, потянулись обозы
На целые версты длиной.

Весь свет застилала пороша,
Пройдешь — и не видно следов...
И всё же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов;

И всё же — хоть тяжело нам было —
Спасли, отстояли завод.
И вот он — на полную силу
Работает, дышит, живет!

Товарищи, вспомним об этом
И будем тверды до конца!
И пусть торжествующим светом
Наполнятся наши сердца;

Пусть душу согреет сознание,
Что мы ни на шаг, ни на миг
В суровые дни испытанья
Не сдали позиций своих;

Что мы никому не давали
Позорить рабочую честь
И что в фронтовом арсенале
И наше оружие есть,

И наше грохочет громами
В годину великой войны...
Когда-то мы делали с вами
Часы для советской страны;

Когда-то в уюте квартирном,
В спокойные ясные дни,
На стенах, на столике мирном
Секунды считали они.

Но в наши дома оголтело
Вломились фашистские псы, —
И родина нам повелела
Готовить иные часы —

Часы со смертельным заводом
Для тех, кто пошел на грабеж,
Для тех, кто над нашим народом
Занес окровавленный нож;

Часы для злодеев матерых,
Что кровь неповинную льют,
Часы, после боя которых
Враги никогда не встают.

Так что же, друзья и подруги, —
Пусть будет работа дружна!
Пусть наши проворные руки
Похвалит родная страна;

Пусть станет убийцам грозой
Советский завод часовой,
Пусть плачут кровавой слезой
Они над своею судьбой;

Пусть ночи встают гробовые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

ПАРТИЗАНКА

Я весь свой век жила в родном селе,
Жила, как все, — работала, дышала,
Хлеба растила на своей земле
И никому на свете не мешала.

И жить бы мне спокойно много лет, —
Женить бы сына, пестовать внучонка...
Да вот поди ж нашелся людоед —
Пропала наша тихая сторонка!

Хлебнули люди горя через край,
Такого горя, что не сыщешь слова.
Чуть что не так — ложись и помирай:
Всё у врагов для этого готово;

Чуть что не так — петля да пулемет,
Тебе конец, а им одна потеха...
Притих народ. Задумался народ.
Ни разговоров не слышать, ни смеха.

Сидим, бывало, — словно пни торчим...
Что говорить? У всех лихая чаша.
Посмотрим друг на друга, помолчим,
Слезу смахнем — и вся беседа наша.

Замучил, гад. Замордовал, загрыз...
И мой порог беда не миновала.
Забрали всё. Одних мышей да крыс
Забыли взять. И всё им было мало!

Пришли опять. Опять прикладом в дверь, —
Встречай, старуха, свору их собачью...
«Какую ж это, думаю, теперь
Придумал Гитлер для меня задачу?»

А он придумал: «Убирайся вон!
Не то, — грозят, — раздавим, словно муху...»
«Какой же это, — говорю, — закон —
На улицу выбрасывать старуху?»

Куда ж идти? Я тут весь век живу...»
Обидно мне, а им того и надо:
Не сдохнешь, мол, и со скотом в хлеву,
Ступай туда, — свинья, мол, будет рада.

«Что ж, — говорю, — уж лучше бы свинья, —
Она бы так над старой не глумилась.
Да нет ее. И виновата ль я,
Что всех свиней сожрала ваша милость?»

Озлился, пес, — и ну стегать хлыстом!
Избил меня и, в чем была, отправил
Из хаты вон... Спасибо и на том,
Что душу в теле все-таки оставил.

Пришла в сарай, уселась на бревно.
Сижу, молчу — раздета и разута.
Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.

Сижу, молчу. А в хате той порой
Закрыли ставни, чтоб не видно было,
А в хате — слышу — пир идет горой, —
Стучит, грючит, гуляет вражья сила.

«Нет, думаю, куда-нибудь уйду,
Не дам глумиться над собой злодею!
Пока тепло, авось не пропаду,
А может быть, и дальше уцелею...»

И долог путь, а сборы коротки:
Багаж в карман, а за плечо — хворобу.
Не напороться б только на штыки,
Убраться подобру да поздорову.

Но, знать, в ту ночь счастливая звезда
Взошла и над моею головою:
Затихли фрицы — спит моя беда,
Храпят, гадюки, в хате с перепоею.

Пора идти. А я и не могу, —
Целую стены, словно помешалась...
«Ужели ж всё пожертвовать врагу,
Что тяжкими трудами доставалось?»

Ужели ж, старой, одинокой, мне
Теперь навек с родным углом проститься,
Где знаю, помню каждый сук в стене
И как скрипит какая половица?

Ужели ж лиходею моему
Сиротская слеза не отольется?
Уж если так, то лучше никому
Пускай добро мое не достается!

Уж если случай к этому привел,
Так будь что будет — лучше или хуже!»
И я дубовый разыскала кол
И крепко дверь притиснула снаружи.

А дальше, что же, дальше — спички в ход, —
Пошел огонь плести свои плетенки!
А я — через калитку в огород,
В поля, в луга, на кладбище, в потемки.

Погоревать к покойнику пришла,
Стою перед оградой сосновой:
— Прости, старик, что дом не сберегла,
Что сына обездолила родного.

Придет с войны, а тут — ни дать ни взять,
В какую дверь стучаться — неизвестно...
Прости, сынок! Но не могла я стать
У извергов скотиной бессловесной.

Прости, сынок! Забудь отцовский дом,
Родная мать его не пощадила —
На всё пошла, но праведным судом
Злодеев на погибель осудила.

Жестокую придумала я месть —
Живьем сожгла, огнем сжила со света!
Но если только бог на небе есть —
Он все грехи отпустит мне за это.

Пусть я стара, и пусть мой волос сед, —
Уж раз война, так всем идти войною...
Тут подошел откуда-то сосед
С ружьем в руках, с котомкой за спиной.

Он осторожно посмотрел кругом,
Подумал молча, постоял немного,
«Ну, что ж, — сказал, — Антоновна, идем!
Видать, у нас теперь одна дорога...»

И мы пошли. Сосед мой впереди,
А я за ним заковыляла сзади.
И вот, смотри, полгода уж поди
Живу в лесу у партизан в отряде.

Варю обед, стираю им белье,
Чиню одежду — не сижу без дела.
А то бывает, что беру ружье, —
И эту штуку одолеть сумела.

Не будь я здесь — валяться б мне во рву,
А уж теперь, коль вырвалась из плена,
Своих врагов и впрямь переживу, —
Уж это так. Уж это непременно.

УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА!

*Памяти неизвестного лейтенанта,
геройски погибшего в боях за Украину*

Пробил час, наступило мгновенье,
И в неясной предутренней мгле
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всё, что думалось, чудилось, пелось,
Всё на этом лежало пути...
Раньше всех лейтенанту хотелось
До своей Украины дойти.
Вся в цвету вспоминалась калина,
Что под вечер ждала соловья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Сколько б верст до тебя ни осталось —
Мы к порогу придем твоему...
Но упал лейтенант, и казалось,
Что уже не подняться ему:
Налетела фашистская мина,
Жаркой крови хлестнула струя...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всю тебя искромсали, скрутили,
Исковеркали всю чужаки...
— Поднимите меня, побратимы,
Дайте на ноги встать, земляки!
Я рядов боевых не покину, —
Пусть умру, но дойду до нее...
Украина моя, Украина,
Сердце мое!..

Мы противиться были не в силах,
Возразить не могли ничего, —
В те часы даже смерть отступила
Перед жгучим желаньем его.
Он поднялся: «За мною, орлята!» —
И взметнулась людская волна.
И видны уже белые хаты,
Украина видна!..

Он дошел до родимого края,
С честью выполнил воинский долг,
Но, последние силы теряя,
Покачнулся, упал и замолк.
Скорбно шапки снимала дружина —
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Ненько моя!..

***

— Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты — заперты
С четырех сторон...
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

Все, что нам положено,
Пройдено, исхожено.
Мало их осталось —
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Немцы поведут.

Знаем мы, товарищи, —
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат свое,

Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за родину
Отдали ее.

Слушайте ж, товарищи!
Все, что мы не сделали,
Все, что не успели мы
На пути своем, —
В ваши руки верные,
В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.

Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Душегубу подлому
Мстите каждый час!
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас.

Пусть насильник мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей Неметчины
Не увидит он! —
Это завещает вам
В скорбный час прощания
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, —
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!

И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралась без страха.
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала —
Да разве всего перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

Дмитрий Борисович Кедрин

1941

Ты, что хлеб свой любовно выращивал,
Пел, рыбачил, глядел на зарю.
Голосами седых твоих пращуров
Я, Россия, с тобой говорю.

Для того ль новосел заколачивал
В первый сруб на Москве первый гвоздь,
Для того ль астраханцам не плачивал
Дани гордый владимирский гость;

Для того ль окрест города хитрые
Выводились заслоны да рвы
И палили мы пеплом Димитрия
На четыре заставы Москвы;

Для того ль Ермаковы охотники
Белку били дробинкою в глаз;
Для того ль пугачевские сотники
Смердам чли Государев Указ;

Для того ли, незнамы-неведомы,
Мы в холодных могилах лежим,
Для того ли тягались со шведами
Ветераны Петровых дружин;

Для того ли в годину суровую,
Как пришел на Москву Бонапарт,
Попалили людишки дворовые
Огоньком его воинский фарт;

Для того ль стыла изморозь хрусткая
У пяти декабристов на лбу;
Для того ль мы из бед землю Русскую
На своем вывозили горбу;

Для того ль сеял дождик холодненький,
Точно слезы родимой земли,
На этап бритолобых колодников,
Что по горькой Владимирке шли;

Для того ли под ленинским знаменем
Неусыпным тяжелым трудом
Перестроили мы в белокаменный
Наш когда-то бревенчатый дом;

И от ярого натиска вражьего
Отстояли его для того ль, —
Чтоб теперь истлевать тебе заживо
В самой горькой из горьких неволь,

Чтоб, тараща глаза оловянные,
Муштровала ребят немчура,
Чтобы ты позабыл, что славянами
Мы с тобой назывались вчера?..

Бейся ж так, чтоб пришельцы поганые
К нам ходить заказали другим.
Неприятелям на поругание
Не давай наших честных могил!

Оглянись на леса и на пажити,
Выдвигаясь с винтовкою в бой:
Всё, что кровным трудом нашим нажито, —
За твоею спиной, за тобой!

Чтоб добру тому не быть растащenu,
Чтоб Отчизне цвести и сиять,
Голосами седых твоих пращуров
Я велю тебе насмерть стоять!

НЕТ!

Вон та
Недалекая роща,
Вся в гнездах
Крикливых грачей,
И холм этот,
Кашкой заросший, —
Уж если не наш он,
Так чей?

Поди
И на старом кладбище
Родные могилы спроси:
Ужель тебе
Сирым и нищим
Слоняться опять
По Руси?

Неужто
Наш кряжистый прадед,
Татарскую
Смявший басму,
Сказал бы:
«Пусть судит и рядит
Чужак
В моем крепком дому»?

Затем ли
Над зыбкою с лаской
Склонялась
Румяная мать,
Чтоб перед солдатом
Германским
Шапчонку
Мальчишке ломать?

К тому ли
Наш край нами нажит,
Чтоб жег его
Злобный сосед?..
Спроси —
И народ тебе скажет
Тысячеголосое:
Нет!

В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ

Замолк далекий отзвук грома,
Звезда вечерняя зажглась.
Со своего аэродрома
Ночь тихо в воздух поднялась.

Она летит — и вслед за нею
Ты старта попросил: пора!
Вот твой мотор чуть-чуть слышнее
Ночного пенья комара.

Поляны, что давно знакомы,
Уже вдали не видишь ты...
Жена теперь, наверно, дома,
И на столе ее — цветы.

А сын сквозь длинные ресницы
Спросонок взглянет и вздохнет.
Ему сейчас, быть может, снится
Отца далекий самолет.

Как тихо над передним краем!
Нигде не разглядеть ни зги.
Но знаешь ты, что тьма сырая
Обманчива: внизу — враги!

Чтоб в день победы в доме старом
Обнять сынишку и жену,
Сейчас ты бомбовым ударом
Вспугнешь ночную тишину.

Вокруг запляшут в это время
Разрывов желтые мячи.
Начнут рубить глухую темень
Косых прожекторов мечи.

Но, отбомбившись, ты под тучи
Уйдешь — и канешь за рекой
Незримым мстителем летучим
За наш нарушенный покой!

***

Начинается ростепель марта,
И скворец запекает — он жив...
Ты лежишь под гвардейским штандартом,
Утомленные руки сложив.

Ты устал до кровавого пота!
Спи ж спокойно. Ты честно, родной,
Отработал мужскую работу,
Что в пароде зовется — войной.

Мы холодные губы целуем,
Шлем тебе наш прощальный салют,
В том колхозе, что мы отвоюем,
Твоим именем клуб назовут.

Наши девушки будут в петлице
Твой портрет в медальоне носить,
О тебе тракторист смуглолицый
Запоеет, выйдя траву косить.

Ты недаром на вражьи твердыни
Шел за землю родимую в бой:
Ты навеки становишься ныне
Сам родимую нашей землей!

Чисто гроба остругана крышка,
Выступает смола на сосне...
Синеглазый вихрастый мальчишка
По ночам тебя видит во сне:

Он к отцу на колени садится
И ею заряжает ружье...
Спи, товарищ! Он будет гордиться,
Что наследовал имя твое.

***

Полянка зимняя бела,
В лесу — бурана вой.
Ночная вьюга замела
Окопчик под Москвой.

На черных сучьях белый снег
Причудлив и космат.
Ничком лежат пять человек —
Советских пять солдат.

Лежат. Им вьюга дует в лоб,
Их жжет мороз. И вот —
На их заснеженный окоп
Фашистский танк ползет.

Ползет — и что-то жабы в нем.
Он сквозь завал пролез
И прет, губительным огнем
Прочесывая лес.

«Даешь!» — сказал сержант. «Даешь!» —
Ответила братва.
За ними, как железный еж,
Щетинилась Москва.

А черный танк все лез и лез,
Утапывая снег.
Тогда ему наперерез
Поднялся человек.

Он был приземист, белокур,
Курнос и синеок.
Холодный глаз его прищур
Был зорок и жесток.

Он шел к машине головной
И помнил, что лежат
В котомке за его спиной
Пять разрывных гранат.

Он массой тела своего
Ей путь загородил.
Так на медведя дед его
С рогатиной ходил.

И танк, паля из всех стволов,
Попятился, как зверь.
Боец к нему, как зверолов,
По насту полз теперь.

Он прятался от пуль за жердь,
За кочку, за хвою,
Но отступающую смерть
Преследовал свою!

И черный танк, взрывая снег,
Пустился наутек,
А коренастый человек
Под гусеницу лег.

И, все собою заслоня,
Величиной в сосну,
Не человек, а столб огня
Поднялся в вышину!

Сверкнул — и через миг померк
Тот огненный кинжал...
Как злая жаба, брюхом вверх,
Разбитый танк лежал.

Александр Трифонович Твардовский

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН (ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ)

***

ТЕРКИН — КТО ЖЕ ОН ТАКОЙ?

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:

Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:

Красотою наделен
Не был он отменной,

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,
Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Гроыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи-отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...
А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,

Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, груды,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы, — он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — светло.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить.
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец! — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О награде

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я "Казбек".

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папирсой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

— Нет, — сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
— На фронт обратно,
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кiset.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой, —
Смолк шофер,
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,

Легковые — криво, косо.
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Заваливающей нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть...
Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что, — сказал водитель,
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.

И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,

Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.

— Это точно...

— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой.
Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.

— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего, — сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он.

БОЛЬШОЕ ЛЕТО

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Густой, дремучею травой,
Уставшей думать о косе.

И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки,
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки...

Но каждый холмик придорожный
И лес, недвижимый в стороне,
Безлюдьем, скрытностью тревожной
Напоминали о войне...

И тишина была до срока.
А грянул срок — и началось!
И по шоссе пошли потоком
На запад тысячи колес.

Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля уже дрожмя дрожала
И пылью присыпала кровь...

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета,
Грозилась вырваться сюда.

Грозилась прыгнуть вглубь России,
Заполонив ее поля...
И силой встать навстречу силе
Спешили небо и земля.

Кустами, лесом, как попало,
К дороге, ходок и тяжел,
Пошел греметь металл стоялый,
Огнем огонь давить пошел.

Бензина, масел жаркий запах
Повеял густо в глушь полей.
Войска, войска пошли на запад,
На дальний говор батарей...

И тот, кто два горячих лета
У фронтовых видал дорог,
Он новым, нынешним приметам
Душой порадоваться мог.

Не тот был строй калужских, брянских,
Сибирских воинов. Не тот
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход.

Не тот в пути порядок чинный,
И даже выправка не та
У часового, что картинно
Войска приветствовал с поста.

И фронта вестница живая,
Вмещающая год в короткий час,
Не тот дорога фронтовая
Сегодня в тыл несла рассказ.

Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда порой боец не всякий
До места доползал живым;

Откуда пыль и гарь на каске
Провез парнишка впереди,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, на груди.

Оттуда лица были строже,
Но день иной и год иной,
И возглас: «Немцы!»— не встревожил
Большой дороги фронтовой.

Они прошли неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Прошли с поспешностью покорной,
Кто как, шагая вразнобой.

Гуртом сбиваясь к середине,
Они оттуда шли, с войны.
Колени, локти были в глине
И лица грязные бледны.

И было все обыкновенно
На той дороге фронтовой,
И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

А кто-то воду пил из фляги
И отдувался, молодец.
А кто-то ждал, когда бумаги
Проверит девушка-боец.

А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,
Зубами белыми блестя.

А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

И третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухою, пыльною травой,
Забывшей думать о косе.

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти-двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен, —
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведаль...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт. — Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал, — дело молодое, —
Покуда не уехал на войну,
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец сажил,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил;

Хотя б и вовсе там бывал не часто,
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье —
Вдруг потерять тот самый край и дом,

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой,
Где на крыльце одною нянчил брата
И в камушки играл другой рукой.

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...
И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что ему, бродяге полумира,
В твоём родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость недолгий, нет ему расчета
Щадить что-либо, все — как трин-трава:
По окнам прострочит из пулемета,
Отцовский садик срубит на дрова...

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места.
И даже труп свой мерзкий здесь оставит —
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалея, дружище,
Что отчий край лежит не на пути,
Что на свое родное пепелище
Тебе другой дорогою идти.

Где б ни был ты в огне передних линий —
На Севере иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине иль здесь, на Украине, —
Идешь ты нынче к дому своему.

Идешь с людьми в строю необозримом, —
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат любимый,
А родина у всех у нас одна...

ДОМ БОЙЦА

Столько было за спиною
Городов, местечек, сел,
Что в село свое родное
Не заметил, как вошел.

Не один вошел — со взводом,
Не по улице прямой —
Под огнем, по огородам
Добирается домой...

Кто подумал бы когда-то,
Что достанется бойцу
С заряженной гранатой
К своему ползти крыльцу?

А мечтал он, может статья,
Подойти путем другим,
У окошка постучаться
Жданным гостем, дорогим.

На крылечке том с усмешкой
Притаиться, замереть.
Вот жена впотьмах от спешки
Дверь не может отпереть.

Видно знает, знает, знает,
Кто тут ждет за косяком...
"Что ж ты, милая, родная,
Выбегаешь босиком?.."

И слова, и смех, и слезы —
Все в одно сольется тут.
И к губам, сухим с мороза,
Губы теплые прильнут.

Дети кинутся, обнимут...
Младший здорово подрос...
Нет, не так тебе, родимый,
Заявиться довелось.

Повернулись по-иному
Все надежды, все дела.
На войну ушел из дому,
А война и в дом пришла.

Смерть свистит над головами,
Снег снарядами изрыт.
И жена в холодной яме
Где-нибудь с детьми сидит.

И твоя родная хата,
Где ты жил не первый год,
Под огнем из автоматов
В борозденках держит взвод.

— До какого ж это срока, —
Говорит боец друзьям, —
Поворачиваться боком
Да лежать, да мерзнуть нам?

Это я здесь виноватый,
Хата все-таки моя.
А поэтому, ребята, —
Говорит он, — дайте я...

И к своей избе хозяин,
По-хозяйски строг, суров,
За сугробом подползает
Вдоль плетня и клетки дров.

И лежат, следят ребята:
Вот он снег отгреб рукой,
Вот привстал. В окно — граната,
И гремит разрыв глухой...

И неспешно, деловито
Встал хозяин, вытер пот...
Сизый дым в окне разбитом,
И свободен путь вперед.

Затянул ремень потуже,
Отряхнулся над стеной,
Заглянул в окно снаружи —
И к своим: — Давай за мной...

А когда селенье взяли,
К командиру поскорей:
— Так и так. Теперь нельзя ли
Повидать жену, детей?..

Лейтенант, его ровесник,
Воду пьет из котелка.
— Что ж, поскольку житель местный... —
И мигнул ему слегка. —

Но гляди, справляйся срочно,
Тут походу не конец. —
И с улыбкой: — Это точно, —
Отвечал ему боец...

ОГОНЬ

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит, —
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но только в силу вступит —
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром несся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли
Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот думать мог, что этот жар
Смертелен для России.

И с болью думать мог в пути,
Тех, что прошли, сменяя:
— Земля отцовская, прости,
Страдалица родная...

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже как день рабочий.

И долг борьбы — за словом — власть
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.
И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт,
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич: — Вперед на запад!

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, невероятный,
И новый страшен был удар, —
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть с третьим летом новый жар
Дохнул — его с восхода
С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел,
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

***

Позарастали
Стежки-дорожки,
Где разбегались
Мы от бомбежки.

Позарастали
Мохом-травой
Окопы наши
Перед Москвою.

Водою черной
Полны землянки,
Где мы сушили
В тот год портянки.

Своей и вражьей
Полито кровью,
В тылу далеко
Ты, Подмосковьё.

В тылу далеко...
А ныне, ныне —
Места иные,
Бои иные.

Не те, пожалуй,
И люди даже,
Но вера — та же,
Но клятва — та же.

Прямой ли, кружной,
Дорогой честной,
Дорогой трудной
Дойдем до места.

Дойдем, всей грудью
Вздыхнем глубоко:
— Россия, братцы,
В тылу далеко...

НЕМЫЕ

Я слышу это не впервые,
В краю, потоптанном войной,
Привычно молвится: немые, —
И клички нету им иной.

Старуха бродит нелюдимо
У обгорелых черных стен.
— Немые дом сожгли, родимый,
Немые дочь угнали в плен.

Соседи мать в саду обмыли,
У гроба сбились в кружок.
— Не плачь, сынок, а то немые
Придут опять. Молчи, сынок...

Голодный люд на пепелище
Варит немолотую рожь.
И ни угла к зиме, ни пищи...
— Немые, дед?— Немые, кто ж!

Немые, темные, чужие,
В пределы чуждой им земли
Они учить людей России
Глаголям виселиц пришли.

Пришли и ног не утирали.
Входя в любой, на выбор, дом.
В дому, не спрашивая, брали,
Платили пулей и кнутом.

К столу кидались, как цепные,
Спешили есть, давясь едой,
Со свету нелюди. Немые, —
И клички нету им иной.

Немые. В том коротком слове
Живей, чем в сотнях слов иных,
И гнев, и суд, что всех суровой,
И счет великих мук людских.

И, немоты лишившись грозной,
Немые перед тем судом
Заговорят. Но будет поздно:
По праву мы их не пойдем...

***

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.

Стремглав попутные машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть сирота?

И на лице, в глазах, похоже, —
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота. — И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

***

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен,
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год:
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед?
Зачем рассказывать о том,
Зачем беречь нас,
Какой был сад, какой был дом.
Зачем?
Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто назло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне

Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.
Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.
Есть, где-то есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!

***

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, забытым
Пахнет земля по весне.

Полой водой и нежданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..